

102

512

Изд. «Досугъ и Дѣло».

**ПЯТЬ ЛѢТЪ
ВЪ ПЛѢНУ У ТАШКЕНТЦЕВЪ.**

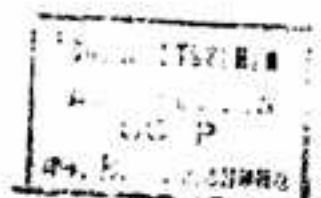
РАЗСКАЗЪ СИБИРСКАГО КАЗАКА.

Соч. Н. Щербакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

ст-
по
12
ед-
ия:
н
по-
ов-
тъ
н
—
о-
ь
о

8390-69

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 15 сентября 1873 г.

Типографія І. Мордуховскаго (бывшая Неклюдова). Фанд. № 14.

ПЯТЬ ЛѢТЪ

ВЪ ПЛѢНУ У ТАШКЕНТЦЕВЪ.

(РАЗСКАЗЪ СИБИРСКАГО КАЗАКА).

I.

Походъ.

Въ зиму 1859 года, въ 6-й сотнѣ 5-го полка, въ станицѣ Мельничной, въ караулѣ при сотенной конюшнѣ, было нѣсколько молодыхъ казаковъ, только что поступившихъ на службу и еще не видавшихъ всѣхъ трудовъ казацкой службы. За старшаго надъ ними былъ старый казакъ Селивестръ Дружининъ. Тутъ-же находился въ караулѣ казакъ Дмитрій Девятовъ, побывавшій въ плѣну у ташкентцевъ лѣтъ пять.

Еще мальчикомъ лѣтъ 11-ти, я былъ тогда двевальнымъ по сотенной школѣ; одному сидѣть въ классѣ стало скучно, я и пришелъ въ караульный домъ, чтобы послушать рассказовъ казаковъ.

Нѣкоторые изъ любопытныхъ пристали къ Девятову съ просьбами рассказать о походахъ и своемъ плѣнѣ.

*

— Дмитрій Хрисанфовичъ, — такъ звали его, — расскажи намъ про свой плѣнъ! просили любопытные.

— Извольте, братцы, ради веселаго вечера я расскажу вамъ; только вы не спите, а слушайте. Разсказъ-то вѣдь длиненъ будетъ; но я многое, почитай, позабылъ.

Всѣ поближе придвинулись къ рассказчику. Чтобы не дремать, одни накладывали трубки, лежа на боку, другіе сѣли возлѣ его. Я тоже пристроился и наострилъ уши, стараясь все запомнить.

„Въ 1845-мъ году, въ мартѣ мѣсяцѣ, такъ онъ началъ свой разсказъ, — по распоряженію начальства былъ сдѣланъ нарядъ, какъ всегда у насъ это бываетъ: въ экспедиціонный отрядъ въ Среднюю орду въ Улутавское укрѣпленіе, на усиленіе дѣйствующихъ отрядовъ противъ извѣстнаго возмутителя Средне-азіятской киргизской орды, мятежника султана Кенисары Касимова.

Съ нашей сотни было назначено 25 человекъ казаковъ; сборы тогда были не такъ какъ собираются въ эти года; теперь дѣлаютъ нарядъ за два, за три мѣсяца, такъ чтобы всякій казакъ могъ заблаговременно приготовиться къ походу, чтобы могъ обезпечить свою семью. А прежде было не такъ: сегодня съ вечера приплотъ изъ полка приказъ или нарядъ, назначить столько-то человекъ: кого застали дома, тотъ и собирайся, а завтра поутру будь готовъ къ выступленію.

На другой день утромъ въ нашемъ выселкѣ въ избахъ, изъ котораго семейства убывалъ казакъ, было

слышно голосованіе женъ и матерей. Старики насыпаясь укладывали въ на-скоро изготовленную повозку на зимнемъ ходу — сухари, сундучки съ необходимыми бѣльемъ; на конюшнѣ — остающіеся казаки сѣдлали лошадей, и все кипѣло какъ въ котлѣ.

Не долги были мои сборы; всѣ въ семействѣ успѣлись порядкомъ на лавку, по старинному преданію: посидѣвъ молча минутъ пять, встали, помолились Богу, положили по три земныхъ поклона; родители сняли со стѣны образъ и благословили меня, потомъ стали прощаться; мать моя заплакала, сестры тоже всхлипывали: вѣдь вы сами знаете, что это безъ слезъ не бываетъ. Мнѣ стало ихъ жалко, но я, почитай, не плакалъ и самъ не знаю отчего; можетъ быть оттого, что я тогда былъ еще холостъ — но мнѣ жаль было оставить родителей, да дѣлать нечего, на все воля начальства.

Когда я вышелъ изъ избы, товарищи мои были на лошадяхъ и, разъѣжая по улицамъ выселка, прощались кто съ родителями, кто съ женой или дѣтьми, а холостежь конечно болѣе съ своими душками, снимая папаху и кивая имъ головою. Сосѣдь мой Черемискинъ подвелъ мнѣ моего коня, я, перекрестясь и вставя ногу въ стремя, уперся на пику и былъ на лошади. Сердце у меня какъ-бы закаменѣло и я не проронилъ ни слезинки.

Не съ радостію, конечно, мы двинулись въ путь изъ нашего выселка. Иные были печальны, а другіе, хвативши порядкомъ горѣлки, затянули пѣсни. Родственники проводили насъ версты за двѣ, жен-

щичи, идя позади насъ, навзрыдъ причитали: „сынчекъ ты мой милый, когда я тебя дождуся? съ которой сторонки ожидать буду?“

Дня черезъ три наша сборная сотня, въ числѣ 150 человекъ, собралась въ станицу Николаевскую, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ нашему отряду.

На другой день прибытія командъ, полковой командиръ вмѣстѣ съ отряднымъ сдѣлалъ смотръ всему отряду, по окончаніи котораго священникъ отслужилъ молебенъ, окропилъ отрядъ св. водою и не преминулъ напутствовать насъ наставительными словами: „Дѣти православные! постоитъ за Царя, Отечество, родину и вѣру православную, не пожалѣйте пролить крови своей, ибо самъ Господь сказалъ: Больше сея любви ни кто-же имать, аще кто положитъ душу за други своя. Съ побѣжденными будьте милостивы, щадите ихъ жизнь, знайте что и враги суть наши ближніе.“ Такъ наставлялъ отрядъ отецъ Михаилъ, священникъ Николаевской церкви.

Въ 6-ть часовъ вечера трубачъ заигралъ генераль-маршъ. Въ отрядѣ всѣ засуетились: одни запрягали лошадей, другіе сѣдлали лошадей, и черезъ часъ не болѣе—мы были на коняхъ, выстроившись развернутымъ фронтомъ на плацу, противъ казармъ полковаго штаба, и ожидали начальника отряда. Вскорѣ къ намъ подѣхалъ отрядный начальникъ есаулъ Емацинъ, поздоровался

съ нами и сказалъ: „ребята! идемъ усмирять мятежника Кенисару! Если Богъ велитъ намъ его разбить, то къ зимѣ вернемся домой. Постарайтесь заслужить вниманіе начальства, чтобы съ честію намъ вернуться.“ Мы всѣ отвѣтили въ одинъ голосъ: „Постараемся, ваше благородіе“. Затѣмъ онъ скомандовалъ: „Сотня направо—справа по шести, маршъ. Пѣсенники впередъ!“

Съ пѣснями двинулись мы съ мѣста. Запѣвало нашъ, казакъ Мангазѣевъ, затанулъ любимую всѣми казаками пѣсню: „Какъ въ мартѣ, въ первыхъ числахъ, намъ приказы изъ полка пришли, чтобъ въ походъ скорѣй идти...“ И печаль—какъ рукой сняло.

Дней въ пять мы были болѣе 150 верстъ отъ нашей линіи. Стало потеплѣй, снѣгъ началъ таять и мѣстами виднѣлись проталины. Пришли на урочище Кызалатасъ (Красные камни), гдѣ зимуютъ аулы Токинской волости подъ управленіемъ султана Клыша Томарова, который не преминулъ встрѣтить нашъ отрядъ. Тутъ мы сдѣлали дневку, потому что на саняхъ ѣхать нельзя, и отрядный попросилъ управителя дать отряду таратаекъ (двухъ-колесная *бѣда*). Не прошло двухъ часовъ, какъ въ нашъ отрядъ киргизы привезли до двадцати арбъ, штукъ шесть барановъ и нѣсколько быковъ для пищи отряда, а также нѣсколько турсуковъ (кожаныхъ мѣшковъ) свѣжаго кумысу.

Отряднаго управитель пригласилъ къ себѣ въ гости, и даже изъявилъ желаніе послать отъ своей

овлости человекъ до 50 киргизъ-джигитовъ (наѣздниковъ). Начальникъ отряда охотно согласился принять подъ начальство его молодцовъ. Такъ въ нашемъ отрядѣ составилось до двухъ сотъ человекъ.

Дней въ 20 похода мы были около Атбасарскаго поста, въ 400 верстахъ отъ линіи: снѣгъ, почитай, сошелъ весь; начала пробиваться трава, и намъ стало полегче. Здѣсь было не такъ-то тихо среди орды.

Вся орда, по наступленіи весны, ожидала набѣга мятежника Касимова. По волостямъ всюду ходили слухи: то тамъ, то сямъ слышались его разбои и опустошенія, но большею частію происходили по Оренбургской линіи; тамъ онъ разграбилъ нѣсколько хуторовъ казаковъ; словомъ, киргизы всѣ были въ страхѣ.

Съ полковъ 1, 2, 3 и 4-го также шли отряды, каждый около 150 человекъ казаковъ и киргизъ-джигитовъ, изъявившихъ желаніе участвовать, совокупно съ казаками, сражаться противъ скопищъ Кенисары.

Въ первыхъ числахъ мая наши отряды были на слѣдующихъ пунктахъ: въ Кокчетавѣ, на постѣ Атбасарскомъ, на урочищѣ Кушъ-Мурунѣ, въ укрѣпленіи Улутавскомъ. Нашъ отрядъ стоялъ въ долинахъ Тургая, около Улутавскихъ горъ; при насъ было три ракетныхъ станка, присланныхъ съ Кокчетау.

Однажды утромъ, какъ теперь вижу—въ нашъ отрядъ прискакалъ чабаръ (гонецъ) съ извѣстіемъ, посланнымъ съ поста Атбасарскаго, чтобы быть на сторожѣ. Мятежникъ Кенисара сдѣлалъ нападеніе на вновь строящееся укрѣпленіе Акмолы, съ скопищемъ около 3-хъ тысячъ человекъ, выжегъ около его казачьи домики; но самага укрѣпленія взять не могъ, гарнизонъ котораго, состоявшій тогда изъ 2-хъ ротъ пѣхоты, сотни казаковъ и одного взвода артиллеріи 22-й казачьей батареи, мужественно отразилъ его скопище.

Видя неуспѣшность своихъ дѣйствій, онъ направился къ Улутау, грома волости и разоряя что попадалось ему на пути.

Нѣсколько волостей мирныхъ киргизовъ, кочующихъ около Акмолы, со страха передались къ нему; даже старшій султанъ акмолинскаго приказа, Конуръ-Гулджа, колебался передаться мятежнику.

Вѣсть эта, конечно, не обрадовала насъ. Надо было ожидать возмущенія киргизъ, кочующихъ около нашего поста по Джиты-Кызы-Тургаю, въ чемъ и не обманулись. Только-что вскрылась весна, показалась свѣжая зелень—орда пришла въ движеніе: начали перехсдить съ одного мѣста на другое, подъ предлогомъ кочевокъ; мы не замѣтили какъ нѣсколько волостей, стоявшихъ на кочевкѣ около нашего поста, въ 30 верстахъ и ближе, перешли на сторону мятежника; къ нимъ присоединился одинъ изъ сыновей султана Кенисары.

Нашъ отрядный начальникъ выслалъ въ погоню по слѣдамъ бѣглецовъ 50 человекъ казаковъ съ однимъ ракетнымъ станкомъ, подъ командою урядника Щербакова, и также нѣсколько человекъ охотниковъ джигитовъ, пришедшихъ съ нами съ Кызыль-Тасу—не для помощи, а болѣе всего за наживой. Хищные вороны эти всегда готовы на обѣ стороны; напримѣръ: если наша беретъ, то, конечно, съ усердіемъ помогаютъ намъ, а если непріятель одолеваетъ, то они смотрятъ на это всегда равнодушно; чуть только мы подайся назадъ или оплошай, то они навѣрно ударятъ вмѣстѣ съ непріателемъ намъ въ тылъ; тогда справляйся какъ знаешь. Самъ отрядный, съ остальными казаками и киргизами, медленно слѣдовалъ за нами, оставивъ на мѣстѣ поста всего человекъ 50 казаковъ и киргизовъ Токинской волости.

Въ пять дней неутомимой безпрестанной погони, мы настигли киргизовъ, неожиданно, соединившимися съ волостями мятежника, въ которыхъ было его семейство.

На зарѣ, часа въ два, при туманѣ, которымъ покрылась вся долина рѣчки Тургая, урядникъ раздѣлилъ команду на три части, въ 25 человекъ каждую; при первой пущенной ракетѣ, станокъ которой былъ при урядникѣ, мы съ гикомъ кинулись на ауль съ трехъ сторонъ. Захваченная въ распахъ орда подняла страшный крикъ. Скотъ ринулся въ разныя стороны, вскочившіе съ просонокъ киргизы метались какъ угорѣлые, не знали кто на-

палъ на нихъ; одни бѣжали въ горы, другіе съ остервененіемъ кинулись на насъ: стукъ и трескъ оружія слышались во всѣхъ частяхъ аула. Ракеты летали одна за одной по воздуху, и падали, гдѣ было погуще киргизъ. Робкія женщины и дѣти укрывались въ юртахъ, прячась въ кошмы.

Разбѣжавшіеся киргизы оставили ауль свой въ добычу намъ. Мы захватили нѣсколько сотъ барановъ, рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ, и тутъ-же одну жену мятежника Кенисары, которая не успѣла скрыться со своими людьми.

Мы простояли на этомъ мѣстѣ до полудня. Орда стала показываться на вершинахъ горъ тысячами, грозя намъ своими найзами (пиками). Мы видимо смутились — что съ такою горстію казаковъ намъ невыгодно будетъ драться, и сообща рѣшились медленно отступать, отстрѣливаясь. Джигиты наши впереди гнали захваченный нами скотъ, а мы прикрывали отступление съ трехъ сторонъ; зачастую намъ приходилось ударить на непріятеля въ шашки — нѣкоторые наши удалцы даже работали штыками, сидя на лошади.

Такимъ образомъ, по направленію къ горамъ малаго Улутавскаго хребта, откуда мы должны были соединиться съ нашимъ отступающимъ отрядомъ, мы продолжали наше отступление до вечера. Киргизовъ все болѣе прибывало и они облевали насъ со всѣхъ сторонъ. Мы не теряли присутствія духа, ожидая съ одной стороны вѣрной помощи, а съ

другой—опасались, что при малѣйшей оплошности наши джигиты ударятъ на насъ-же.

Около 10 часовъ вечера, изъ ближайшихъ горъ, на горизонтѣ поднялась ракета—одна, за ней другая, и т. д.—Ну, слава Богу! подумали мы, теперь мы — внѣ опасности. Вскорѣ изъ-за пригорка показался казакъ, другой, третій; глядимъ—это наши посланные въ разъѣздъ отъ отряднаго начальника, который шелъ на выручку... Всѣ ободрились.

Вдругъ въ горахъ, въ противоположной отъ насъ сторонѣ, раздался гулъ орудія...—Ну, слава Богу, братцы! сказалъ прискакавшій нашъ урядникъ,— это не непріятельская верблюжья чугунка *), это наша мѣдная, должно быть оренбургскаго отряда, посланнаго изъ Улугау. Вѣрно и тамъ узнали, что орда взбунтовалась.

Выстрѣлы слышались все ближе и ближе... Орда засуетилась, стала видимо озираться на всѣ стороны: вѣрно подумали, что не къ добру такъ старушка въ горахъ кашляетъ.

При закатѣ солнца, на вершинѣ ближайшей отъ насъ горы, показалась небольшая кучка нашихъ, между ними что-то въ родѣ передковъ. Глядь, закурился дымокъ, и орудіе съ пламенемъ ухнуло въ толпы непріятеля, гдѣ было ихъ погуще. Непритель,

*) Маленькое чугуиное орудіе, устроенное на верблюдѣ; если нужно стрѣлять, то верблюда кладутъ лежа; пушкою управляетъ одинъ человекъ.

какъ дождь, кинулся въ разсыпную. Съ другой стороны ракеты летали одна за другой... Отряды—Оренбургскій при одномъ орудіи, и нашъ—при двухъ ракетныхъ станкахъ—приближались на выручку намъ.

Мы остановились. Урядникъ приказалъ нашимъ джигитамъ развести огни и готовить ужинъ и встрѣтить гостей закуской нашей добычи, а сами ударили наступленіе.

Такъ тѣснимые со всѣхъ сторонъ киргизы кидались во всѣ стороны; одни бѣжали въ горы, а другіе, выскакивая на вершины горъ, вывѣпивали на своихъ пикахъ бѣлые флаги, извѣщая, что готовы покориться.

Было темно. Наши ударили отбой. Наступленіе прекратилось. Начальники отрядовъ послали къ нимъ переводчика съ предложеніемъ вернуться къ мѣсту своихъ прежнихъ кочевокъ, въ чемъ и успѣли склонить ихъ. Отряды нашъ и Оренбургскій остановились бивакомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наши джигиты готовили для всѣхъ ужинъ. Къ намъ явились ихніе старшины и бии со своими аманатами (заложниками), для переговоровъ, которые продолжались всю ночь, часовъ до двухъ утра, въ палаткахъ начальниковъ отряда; на свѣту они разъѣхались по своимъ ауламъ. На ночь выслали разъѣзды и разставили кругомъ отряда цѣпь часовыхъ... Мы отдыхали, кто сидѣлъ у костра, курилъ бухарскій табакъ; кто пекъ изъ риса, перемолотаго на муку—въ золѣ лепешки; кто, отвернувшись въ сторону, любовался на свою добычу; нѣкоторые даже считали золотыя

монеты, захваченныя при погромѣ; иные спали крѣпкимъ сномъ. Было тихо, словно въ могилѣ. Изрѣдка слышно окликъ часовыхъ: „слушай!“ — давали этимъ знать, что не дремлютъ. Половина лошадей отряда паслась, а другая на всякій случай была осѣдлана.

Чуть стало свѣтать. Орда была на ногахъ, выючили верблюдовъ, собирались всѣ обратно въ свои прежнія кочевья... Горы покрылись стадами барановъ, какъ мурашами, ползающими на своихъ муравейникахъ; словомъ — вся долина рѣки Тургая ожилилась и киргизы, съ крикомъ верблюдовъ и барановъ, со скрипомъ арбъ, двинулись обратно въ путь.

Отряды, простоявъ на мѣстѣ до 8 часовъ утра, позавтракали баранины и отправились по слѣдамъ кочующихъ волостей обратно въ свои-же мѣста. Такъ окончилась первая наша стычка съ возмущенной ордой, которая не успѣла сдѣлать намъ никакого вреда.“

II.

Плѣнъ.

Въ станицѣ пропѣли первые пѣтухи, вернулась первая смѣна съ часовъ, стали располагаться вокругъ рассказчика. Онъ начиналъ дремать, и рассказъ тѣмъ-бы и окончился, что почти всѣ стали дремать, но молчавшій все это время стар-

шій надъ караульными, казакъ Дружининъ, громко отозвался съ печи: Что-же, Хрисанфовичъ, вѣдь ты про плѣнъ-то еще не начиналъ, развѣ позабылъ? Продолжай, все равно не спать всю ночь; расскажи, какъ попался ты въ плѣнъ къ ташкентцамъ-то? Вѣдь на часы не пойдешь, найдемъ помоложе тебя послать.

— Пожалуй, расскажу, Селиверстъ Ивановичъ (такъ звали старшаго), — только, братцы, налотѣже трубочку, а то все дремлется.

— Я сейчасъ закурю, дядя Митрій, отозвался одинъ изъ любопытныхъ молодыхъ казаковъ. — На, покури, только рассказывай! молвилъ онъ, подавая рассказчику раскуренную трубку.

Мы всѣ придвинулись поближе къ рассказчику, чтобы не проронить его словъ, и наострили уши, ожидая, когда онъ кончитъ курить.

Начался рассказъ про плѣнъ:

„Послѣ перваго сказаннаго дѣла, мы вернулись на свой прежній постъ, гдѣ простояли до первыхъ чиселъ іюля. Вскорѣ къ намъ пріѣхалъ изъ округа чабанъ, съ приказомъ, чтобы нашему отряду оставить свой постъ, такъ какъ вездѣ было мирно, и перейти къ мѣсту зимовки, потому что мятежникъ Кенисара бѣжалъ въ Ташкенію, почему опасались его набѣга подъ осень. Намъ приказано было перезимовать въ укрѣпленіи Улутавскомъ.

Сборы наши были всегда готовы по первому-же

приказанію. На другой день мы двинулись къ Улуту. Укрѣпленіе это было отъ нашего поста всего около 100 верстъ. На третій день нашего перехода мы были въ укрѣпленіи. По приходѣ, комендантъ помѣстилъ нашъ отрядъ въ на-скоро приготовленныя казармы, еплетенныя изъ талу и умазанныя глиной; для лошадей мы сами принялись устраивать конюшни. Работа у насъ кипѣла: кто привозилъ хворосту изъ горъ, кто рѣзалъ дернъ; въ одну или двѣ недѣли конюшни были готовы.

Стали посылать на сѣнокосъ. Кругомъ все было тихо, смирно; только мелькомъ гдѣ услышишь отъ киргизовъ: „Кенисара тага киледы“. По-русски значить: „Кенисара опять идетъ“. Ну, это все намъ ни почемъ; разъ прогнали, а въ другой навѣрно и самого поймаютъ также, какъ захватили его жену.“

— А куда жену-то его тогда дѣвали? спросилъ кто-то изъ любопытныхъ казаковъ рассказчика.

— Вѣстимо, отправили куда слѣдуетъ; отъ насъ её увезли въ приказъ Атбасарскій, а оттуда въ нашъ городъ Омскъ; дальше, говорятъ, отправили на поселеніе въ Березовъ, чтобы не бѣжала, отвѣтилъ рассказчикъ, и снова продолжалъ:

„Въ одно время нашъ отрядный приказалъ послать человѣкъ трехъ въ горы, чтобы отыскать по ключамъ травы для сѣнокоса. Урядникъ Щербаковъ, утромъ придя къ намъ на конюшню, попросилъ меня съѣздить съ двумя другими товарищами Черкасовымъ и Самсоновымъ, чтобы пріискать травы; мы всѣ трое охотно согласились, такъ какъ день

тогда былъ праздничный. Напившись чаю, мы заѣдлали лошадей, съ мѣста зарядили пистолеты и карабины и, благословясь, отправились въ путь.

День былъ жаркій. Проѣздивъ до полудня, мы замѣтили въ нѣсколькихъ мѣстахъ траву; выкладывали около замѣченныхъ нами мѣстъ, на вершинахъ горъ, изъ камня кучки, для того, чтобы на слѣдующій разъ найти замѣченныя мѣста. Утомившись пятичасовой поѣздкой, мы расположились около одного ключа отдохнуть.

Отпустивъ лошадей на длинный поводъ, сами закурили трубки и безопасно разсуждали между собой про домашнихъ и про свои походы, и спохватились только тогда, какъ изъ противоположной отъ насъ стороны, изъ ущелья, съ гикомъ кинулись на насъ человѣкъ 30 киргизъ. Лошади наши испугались и у меня въ это время вырвалась лошадь; товарищи мои успѣли вскочить на коней и, отстрѣливаясь, начали отступать послѣшно въ горы. Я было кинулся къ лошади, но не тутъ-то было: ее схватили киргизы. Дѣлать было нечего, пришлось одному защищаться противъ хищниковъ; я выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ въ толпу, но выстрѣлъ мой только пропалъ. Сзади на меня наскочилъ одинъ киргизецъ, накнулъ на шею арканъ и сшибъ меня съ ногъ. Въ одну минуту я былъ скрученъ арканомъ по рукамъ и ногамъ. Товарищи же мои въ это время скрылись въ горы; хищники кинулись ихъ преслѣдовать, но они успѣли ускакать.

Меня посадили на лошадь, ноги привязали подъ брюхо лошади арканомъ, а руки скрутили назадъ за спину; скрутивъ такимъ образомъ, они отправились въ путь вмѣстѣ со мной. Проѣхали верстъ пять по направленію на полдень. Мнѣ пришлось жутко быть такъ скрученнымъ, и въ добавокъ на лошади. Я сталъ просить ихъ, чтобы освободили меня отъ аркана и обѣщался непрекословно ѣхать съ ними, куда они захотятъ. — Все равно, думалъ я, — двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать; пришлось покориться по неволѣ.

Одинъ изъ моихъ хищниковъ, который ѣхалъ большею частию впереди одинъ, былъ довольно пріятной наружности и прилично одѣтъ, съ черною окладистою бородою; на немъ былъ шелковый бухарскій халатъ, животъ перетянутъ кривой саблей, ножны и эфесъ которой украшены слоновою костью съ серебряною насѣчкою; за поясомъ у него торчалъ пистолетъ, и богатая нарѣзная французская двухстволка висѣла за спиной. По виду и грозной его осанкѣ должно полагать, что онъ не изъ киргизъ, а скорѣе похожъ на татарина. При первомъ его приказаніи хищники повиновались ему, и онъ, какъ я полагалъ, былъ у нихъ за начальника.

Когда я обратился къ нимъ съ просьбой, чтобы освободить меня, онъ подѣхалъ ко мнѣ и сказалъ на чистомъ русскомъ языкѣ: «Послушай, казакъ: ты теперь въ моихъ рукахъ; надѣйся, что тебѣ худа не сдѣлаютъ, но и убѣжать нельзя; только ты долженъ проститься со своей родиной, можетъ быть,

навсегда. Будь покоренъ своей участи; отпустить тебя нельзя: если я отпущу тебя, то самъ долженъ лишиться своей головы—эти изверги меня не отпустятъ живаго». При этихъ словахъ онъ показалъ на киргизъ. Они разинули рты, не понимая нашего разговора. Я изъявилъ покорность старшему надъ киргизами, который говорилъ со мной по-русски, и меня развязали. Я былъ свободенъ, а плѣна избѣжать было нельзя.

Такъ наше путешествіе продолжалось по степи четыре дня. Въ теченіе этихъ дней мы не видѣли ни одной волости или аула, и я не зналъ, куда меня везли. Днемъ я былъ свободенъ, ѣхалъ съ другими рядомъ, но на ночь со мной поступали иначе: вбивъ въ землю коль, къ нему приковывали меня за шею, на руки надѣвали наручни, и двое или трое киргизъ поочередно караулили меня всю ночь. Освободиться изъ ихъ рукъ было невозможно. Пищу давали мнѣ ту-же самую, что ѣли сами, т. е. сухой чурекъ (овечій сыр).

На пятый день поутру мы выѣхали на большую караванную дорогу, шедшую изъ Оренбурга въ Ташкенію; при первомъ встрѣтившемся намъ озерѣ, которое я вовсе не знаю, мы остановились, разсѣдлали лошадей, и я сталъ догадываться, что они кого-нибудь дожидались. Въ полдень отъ нашей стороны показалась пыль, и вскорѣ показался караванъ, который шелъ изъ Оренбурга.

Дойдя до озера, онъ свернулъ съ дороги и сталъ

останавливаться; развьючили верблюдовъ, пустили ихъ пастись; раскинули палатки, развели огни, и берегъ оживился. Къ моимъ спутникамъ приходитъ одинъ ташкенецъ; поздоровался съ ними; увидавъ меня, онъ уставился на меня своими сверкающими глазами, оглядывая съ ногъ до головы; потомъ обратился къ моему старшему и предложилъ ему, на татарскомъ нарѣчїи, не продадутъ-ли меня? Киргизы охотно согласились. Торгъ продолжался недолго. Ташкенецъ отдалъ за меня нѣсколько золотыхъ монетъ, а татарину сверхъ того подарилъ богатый шелковый халатъ, — и меня продали въ караванъ: пошелъ я изъ рукъ въ руки. Купившій меня ташкенецъ былъ караванъ-баши, т. е. старшій въ караванѣ; Мирза Хасанъ—его имя.

Простоявъ на этомъ озерѣ до вечера, когда сталъ подувать прохладный вѣтерокъ, караванъ двинулся въ путь. Я отправился съ новыми хозяевами; въ караванѣ мнѣ стало посвободнѣе, ѣхалъ я на верблюдѣ, который усыплялъ часто меня своею качкою. Вскорѣ я свыкъся съ новой жизнію и погонщиками; въ караванѣ нашлись даже наши татары-погонщики; они говорили со мной иногда по-русски, а по ихнему я знаю хорошо, такъ мы и познакомились. На ночлегахъ меня не приковывали, какъ дѣлали со мной хищники, — я постоянно находился въ палаткѣ у караванъ-баши; онъ былъ до меня добръ; такъ какъ я исполнялъ малѣйшее его приказаніе. Говорилъ со мною большею частію ломанымъ русскимъ языкомъ, съ большимъ усиленіемъ: ку-

шанье мнѣ давалъ то-же самое, что и самъ ѣлъ. Приходя на ночлегъ, я тотчасъ отправлялся собирать кизякъ для топлива, разводилъ огонь, грѣлъ чайникъ для хозяина, и вмѣстѣ съ нимъ пилъ чай. Словомъ, мнѣ стало хорошо, какъ дома. Часто во мнѣ бродила мысль, чтобы убѣжать, но куда бѣжать — самъ не знаю: мѣста вовсе мнѣ незнакомыя; раздумаюсь, что могу помереть съ голоду въ степи: „Да будетъ воля Божія!“ скажу самъ себѣ, — „авось найдутся добрые люди и выкупятъ.“

По степи мы ѣхали дней 20, жара была невыносимая, отъ солнца нагрѣвался песокъ такъ, что босыми ногами ступить нельзя. Дней пять ѣхали голодной степью, — не даромъ и называютъ ее такъ: нигдѣ не видно и кустика карагана или таволожника, только видать однѣ небольшія песочныя горы, да кой-гдѣ росла кустиками трава „кокъ-пекъ“, въ родѣ полыни; вода соленая, да и ту брали изъ колодезевъ, которые глубиною будутъ аршинъ до 30-ти. Переходы дѣлали версты отъ 50 до 60. Верблюдамъ, вмѣсто корма, давали соленые сухіе свертки изъ тѣста и творогу, и они сосали ихъ, какъ соску; тѣмъ только и сыты были. Кой-гдѣ на колодцахъ попадались камышъ: его тотчасъ срѣзывали серпомъ и давали верблюдамъ. Я просто диву дался, чѣмъ только эти животныя питались.

Пройдя такъ называемыя голодныя степи, мы достигли долины рѣки Чу. Тутъ мѣстность оживилась. Видны кругомъ волости кочующихъ кара-киргизовъ.

Табувы лошадей и барановъ и прочаго скота, какъ мураши, виднѣлись вдали.

Здѣсь мы сдѣлали дневку, давъ верблюдамъ оправиться. Травы и топлива по Чу вдоволь; вмѣсто кизяку для топлива употребляли сухой камышъ, съ указательный палецъ. Вода въ рѣкѣ прѣсная; словомъ, здѣсь приволье кочующихъ волостей. Въ нашъ караванъ пріѣзжали киргизы за покупкой товаровъ: такъ какъ въ Ташкеніи нѣтъ ситцевыхъ фабрикъ, то все это купцы всегда везутъ изъ Россіи; у насъ въ караванѣ открылся временный базаръ. Караванъ-баши мѣнялъ товаръ киргизамъ на барановъ, рогатый скотъ и лошадей, и набивалъ себѣ карманъ большими барышами, такъ какъ эти степные дикари мало знаютъ толку въ матеріи; имъ тольк о-бы было что покраше, а не рассчитываютъ, что оно, почитай, не годится: или гнилое или лилючее; за все давали втрое. Однимъ словомъ, хитрый ташкенецъ дралъ съ нихъ шкуру, какъ съ дикихъ козъ.

Намѣнявъ нѣсколько сотъ барановъ и лошадей, съ этимъ живымъ товаромъ, на третій день отдыха, мы двинулись въ путь далѣе. За мной стали присматривать построже, не такъ какъ въ пустынной степу; потому что лошадей въ караванѣ прежде не было, а на верблюдѣ навѣрно не кинешься, а теперь можно было захватить любого коня, да и поминай— какъ звали.

За Чу виднѣлись горы, конецъ которыхъ чуть синѣлся въ дали и тонулъ въ облакахъ. Я спросилъ одного киргиза, который ѣхалъ позади меня: «Ма-

медь бу-ни-тау?» — «Бу-кара-тау!» т. е.: какія это горы? — Это черныя горы! былъ его отвѣтъ. Проѣхавъ горами версть 15 или болѣе, мы встрѣчали въ ущельяхъ аулы каратавскихъ киргизъ, кочующихъ цѣлыя столѣтія. За горами, по дорогѣ, открылись богатая долины съ холмистыми мѣстностями, по которымъ паслись стада барановъ и лошадей каратавскихъ киргизъ. Здѣсь всюду встрѣчались пашни осѣдлыхъ сартовъ и глиняныя азъ-сакли, на подобіе киргизской юрты, съ пристройками. и часто встрѣчались намъ по дорогѣ загорѣлые сарты: копошась въ арыкахъ (канавкахъ), они напускали воды для полива полей.

Черезъ нѣсколько дней, пройдя городокъ игинчей (пахарей) Бабай-курганъ *), мы достигли города Азрета (что нынѣ Туркестанъ). Кругомъ видны сады, пашни; вся мѣстность около города изрыта канавами, наполненными водою для поливки полей, и вся окрестность тонула въ зелени садовъ. Около городского вала нашъ караванъ расположился для отдыха. Къ намъ явились сборщики пошлины за русскій товаръ; стали развязывать тюки для осмотра. Замѣтивъ меня, они обратились къ караванъ-баши и что-то долго между собой разговаривали. Но я не понималъ ихъ разговора; часто подходили ко мнѣ, осматривали меня. — „Вѣрно хотятъ купить“, подумалъ я.

*) Деревня, въ родѣ крѣпости, въ которой живутъ осѣдлые сарты, занимающіеся хлѣбопашествомъ.

На слѣдующій день нашего прибытія меня повели въ городъ. Здѣсь моимъ глазамъ представилась разность архитектуры противъ русской. Улицы ташкентскія, узкія, кривыя, завалены всякимъ мусоромъ, выносимымъ изъ домовъ; проѣхать въ рядъ на двухъ тѣлегахъ нельзя, такъ что если встрѣтится арба съ арбой, то хоть пяться назадъ; если увидишь, что ѣдутъ на встрѣчу, то нужно сворачивать въ первый попавшійся закоулокъ и выжидать, когда проѣдутъ. Дома не такіе, какъ наши; деревянныхъ вовсе нѣтъ: сдѣланы изъ глины или краснаго кирпича, въ родѣ юрты; оконъ нѣтъ, а вмѣсто окна служитъ вверху отверстіе, сдѣланное для дыма. Сперва я мало обращалъ вниманія на попадающіеся мнѣ предметы, все время ходьбы былъ задумчивъ, не зная, что будутъ со мной дѣлать. Меня провели въ крѣпость, которая обнесена каменною стѣною, гдѣ имѣется ихній монастырь, съ большою каменною мечетью, съ высокимъ минаретомъ и большими пристройками вокругъ оной. Монастырь этотъ по ихнему называется Молла *) Азрета, султана, который считается у нихъ за святаго. Рассказываютъ нѣкоторые ташкентцы, что въ немъ хранятся его мощи подъ спудомъ; тутъ-же есть могила его дочери и имѣется мѣдный огромный котель; усердные богатые богомольцы-ташкентцы, въ жертву святому, колютъ нѣсколько десят-

*) Могила.

ковъ барановъ и кладутъ въ него. По ихъ рассказамъ, если кто безъ усердія приноситъ жертву, то котель нельзя наполнить и двумя стами головъ. Здѣсь находится ихнее главное духовное лицо, — имамъ. Противъ монастыря построено медресе (училище); въ монастырѣ живутъ челоуѣкъ до 20 ихнихъ муллъ (по нашему—священниковъ), которые служатъ въ монастырѣ и учатъ въ училищѣ мальчиковъ. Меня завели въ мечеть. Явился ихній духовникъ мулла; на головѣ у него была бѣлая кисейная чалма, самъ онъ былъ въ богатомъ парчевомъ халатѣ на-распашку, изъ-подъ котораго виднѣлся такой-же башмакъ. Спутники мои, войдя вмѣстѣ со мною въ сѣнцы мечети, сѣли по азіатскому обычаю на полъ, подкорча подъ себя ноги. На полу былъ посланъ богатый персидскій коверъ; вскорѣ служители мечети принесли два кувшина съ водою. Всѣ сняли съ ногъ ичиги, и вымыли ноги, руки и голову, въ знакъ очищенія. По ихъ закону, кто пріѣзжаетъ изъ чужой земли, а болѣе изъ нашей, по суевѣрію считаютъ того нечистымъ. Меня заставили сдѣлать тоже ихній обрядъ; я, конечно, изъ страха повиновался имъ. Послѣ этого караванъ-баши сказалъ мнѣ по-русски, что я долженъ бросить свою вѣру и принять здѣсь въ мечети отъ муллы Магометанскій законъ.

Меня какъ громомъ поразила эта новость; но я не отвѣчалъ ни слова, рѣшившись скорѣе умереть, нежели измѣнить православію: что-бы ни было—я останусь христіаниномъ.

Однако притворился покорнымъ и исполнялъ всѣ

приказанія хозяина. Не долго думая, мулла вошелъ во внутрь мечети, молиться, и черезъ четверть часа вышелъ къ намъ, въ притворъ, съ книгою и прочелъ надо мной по-своему нѣсколько молитвъ; а я поклялся внутренно бѣжать при первой возможности. Затѣмъ, смочивъ мнѣ голову водою, меня тутъ-же обрили назвавъ Ибаномъ. „Издѣвайтесь, изверги!“ думалъ я про себя, — „дѣлайте, что хотите, но все-таки я вашего закона не буду исполнять, а комедію сыграть надъ вами не прочь.“ Потомъ всѣ, вмѣстѣ со мною, вошли въ мечеть. Ставъ на молитву, мулла заткнулъ пальцами уши и затушулъ, какъ кричить азанъ на минаретахъ, поворачивая голову то направо, то налево: „Алла Гоцеръ! асана-сола! Магометынъ ара сулла!“ Потомъ, ставъ на колѣни, сталъ читать про себя молитвы, прочіе послѣдовали его примѣру. Я, конечно, исполнялъ то-же, что и они дѣлали, а самъ думалъ про себя: „Господи! прости мнѣ сей великій грѣхъ и подай мнѣ помощь вернуться на родину отъ этихъ варваровъ.“

Послѣ обычнаго молитвословія, хозяинъ мой вмѣстѣ съ другими спутниками и со мною отправились изъ мечети на базаръ, который былъ внутри города. Тутъ моимъ глазамъ представилось: лавки сдѣланы изъ глины, завалены всякимъ хламомъ! продаютъ всякій скотъ, вездѣ видѣнъ дымъ изъ курившихся балагановъ, въ которыхъ продаютъ чай, вареную говядину, пирожки; тутъ-же продаютъ разные фрукты: орѣхи, фисташки, урюкъ, изюмъ, и проч., все ни по-чемъ. Изъ каждаго проулка видать,

какъ подѣзжаютъ сарты на ослахъ, запряженныхъ въ арбы; другіе ослы просто навьючены всякими фруктами. Всѣ торговцы наперерывъ хватаютъ покупателей за полу, прося: „Сизгя ни кирякъ мурза? киль бичъ арзанъ сатаимъ!“ что по-русски значитъ: „что вамъ угодно, сударь? пожалуйста, я дешево продаю!“

Болѣе всего меня поразилъ сарай торговца невольниками. Не дай Богъ никогда видѣть такого торга. Въ сараѣ видно было человѣкъ пять или шесть скованныхъ вмѣстѣ персіянъ мужчинъ; лица ихъ казались томными; они сидѣли, прислонившись къ стѣнѣ.

— Вотъ, подумалъ я, про себя, — меня, можетъ быть, продадутъ этому гнусному торгашу. Не дай, Господи! Можетъ быть попадусь въ худыя руки, гдѣ будутъ меня тиранить. Но этого не случилось. Хозяину моему понравился одинъ изъ невольниковъ, молодой персіянинъ, и онъ сталъ торговаться съ продавцемъ. Торгъ продолжался не мало времени; изъ всего видать было, продавецъ замѣтилъ что покупатель сперва внимательно осматривалъ товаръ, и потому заломилъ высокую цѣну. Но все-таки торгъ сошелся; за персіянина караванъ-баши заплатилъ сто тиллей, на наши деньги — около двухъ-сотъ рублей. Купивъ другаго, подобнаго мнѣ, невольника, мы отправились въ свой караванъ.

Простоявъ въ городѣ одни сутки, караванъ снова двинулся въ путь по направленію на полдень. Пройдя

отъ города верстъ двадцать, мы дошли до одной рѣки, — шириною она будетъ полверсты. Я обратился къ одному киргизу погонщику, ѣхавшему позади меня, и спросилъ его по-ихнему: „Какая это рѣка?“ Онъ отвѣчалъ: „Сырѣ-Дарья“.

Я сталъ внимательно осматривать мѣстность; видны луга, талы; по косогорамъ видать было пашней съ бакчами; вездѣ встрѣчаются вырытыя канавы для поливки полей, наполненныя водою. Дойдя до переправы, мы остановились и стали развѣючивать верблюдовъ. Здѣсь устроенъ паромъ въ видѣ плота, на которомъ мы стали перевозить тюки, конечно, не безъ платы; караванъ-баши платилъ за каждый тюкъ по нѣскольکو мѣдныхъ ташкентскихъ монетъ называемыхъ тинъ, — на наши деньги, около копейки. Насъ съ персіяниномъ перевезли на паромъ; лошадей и барановъ перегнали вплавь. Сперва перегнали лошадей, потомъ барановъ.

Болѣе всего меня занимала переправа верблюдовъ. Эти животныя подняли страшный крикъ, когда ихъ вогнали насильно въ воду; войдя по брюхо, они все кричали, а погонщики все загоняли ихъ въ глубь, и только что вода стала имъ до половины спины — каждый верблюдъ ложился въ водѣ на правый бокъ, и стали грести ногами, какъ веслами, стало быть пошли вплавь; впереди ихъ плылъ одинъ погонщикъ на лошади. Часа въ четыре переправа кончилась благополучно. Я, какъ переправился всѣхъ ранѣе, не преминулъ набрать хво-

росту, развелъ огонь, и чайникъ былъ готовъ для моего хозяина.

Послѣ переправы, простоявъ два часа, мы отправились въ путь. На другой день мы дошли до Чемкента. Во все время пути отъ Азрета до Чемкента, по дорогѣ видать было, что здѣшніе обыватели народъ осѣдлый. Вездѣ встрѣчались поля, засеянные кукурузою, пшеницею и ячменемъ, и кой-гдѣ видать было глиняныя сакли сартовъ, съ разными пристройками, изъ коихъ курился дымокъ.

Всюду, гдѣ только-что караванъ нашъ дѣлалъ привалъ, — являлись сарты съ продажею какихъ-нибудь фруктовъ.

Городъ Чемкентъ величиной будетъ менѣе Азрета, но такъ-же тонетъ въ зелени садовъ и кишитъ народомъ, какъ и Азретъ.

Такъ наше путешествіе продолжалось до Ташкента. Здѣсь былъ конецъ нашего пути.“

Въ это время проѣли третьи пѣтухи. Все время разказа спокойно спавшій на печи старшій надъ караульными — пробудился. — Ты все еще болтаешь, Хрисанфовичъ? отозвался онъ. — не время-ли будить на уборку?

— Да, время, отозвался въ свою очередь Девятовъ. — Ужь проѣли третьи пѣтухи, скоро будетъ свѣтать. Надо, пока люди не собрались, вздремнуть: что-то спать хочется; а разказъ-то я могу досказать вамъ, братцы, на слѣдующій разъ.

— Мы нарочно тогда соберемся, дядя Дмитрій,

отозвались нѣсколько молодыхъ казаковъ, — только ты Расскажи намъ про свой плѣнъ.

— Ужь я сказалъ вамъ, братцы, что доскажу; нарочно на слѣдующее воскресенье приду въ карауль. Да вы только, братцы, не забудьте, на чемъ я остановился, а то вѣдь я собьюсь съ толку.

— Мы запомнимъ, Дмитрій Хрисанфовичъ, отозвались любопытные, которые горѣли желаніемъ дослушать начатый имъ рассказъ.

— Васюкъ! иди-ка на конюшню, поймай Зайца (лошадь) и объѣзжай станицу, буди на уборку-то, а то какъ разъ опоздаемъ, и заставятъ насъ безъ очереди отбыть другія сутки, сказалъ старшій казакъ Дружининъ.

— Сейчасъ иду, Селиверстъ Ивановичъ! И казаки разбрелись: кто пошелъ на конюшню, кто легъ, чтобы немного всхрапнуть до прихода людей, а рассказчикъ уже храпѣлъ на весь караульный домъ.

III.

Неволя въ Ташкентѣ.

На слѣдующее воскресенье всѣ прежніе слушатели собрались опять въ караульный домъ; нѣкоторые разгульные казаки захватили съ собой полкварти горѣлки, чтобы угостить рассказчика.

Я также желалъ дослушать рассказъ; нарочно

пришелъ въ классъ прежде всѣхъ, и ожидалъ, когда соберутся прочіе казаки.

Не замедлилъ придти и казакъ Девятовъ; видя, что всѣ прежніе слушатели собрались, онъ обратился къ намъ и сказалъ:

— Да вы, братцы, собрались! Я совсѣмъ не ожидалъ.

— Да! мы давно дождаемся васъ. Не угодно ли будетъ протянуть чарку-другую горѣлки? — повеселѣе будетъ.

— Благодарю, братцы. Ради веселаго разговора, пожалуй, поднесите. И молодые казаки разомъ подали ему чарку и другую.

Выпивъ, рассказчикъ крякнулъ и поморщился. — Уфъ! какая крѣпкая! Спасибо вамъ, братцы. Всѣ придвинулись поближе. — А что, господа, запомнили, на чемъ я остановился прошлый разъ? Вѣдь я позабылъ, право, — вотъ какая худая память-то.

— Вотъ на чемъ; дядя, ты остановился: какъ вы прибыли въ Ташкентъ, что-ли, — отозвался я.

— Ты опять здѣсь! обратился онъ ко мнѣ. — Чай, все помнишь, что я рассказывалъ тогда. И рассказъ снова начался:

„Не доѣхавъ до Ташкента версты три, мы остановились, чтобы приоправиться. Хозяинъ послалъ впередъ одного погонщика, извѣстить его семейство о своемъ прибытіи. Вскорѣ показалась по дорогѣ изъ города пыль. Къ намъ приближалась

богатая арба, запряженная однимъ осломъ. Это ѣхали двѣ хозяйскія жены на встрѣчу намъ. Хозяинъ выѣхалъ впередъ каравана, встрѣтить женъ. Одежда на нихъ была вся изъ чистой парчи. На нихъ были парчевые халаты, въ родѣ бешмета, лица завѣшаны вуалью; такъ какъ по закону мусульманъ открытіе лица передъ мужчинами строго запрещается, то я не могъ ихъ разсмотрѣть. По виду и осанкѣ, онѣ были еще молодыя, какъ я полагалъ. Съ ними были три мальчика, одѣты тоже прилично.

Простоявъ около часу, мы стали приближаться къ городу. Здѣсь та-же оживленность и осѣдлость сартовъ, какъ и въ прочихъ видѣнныхъ мною городахъ. Кругомъ города зеленѣютъ сады съ разными фруктами. Городъ, по первому моему взгляду, снаружи показался мнѣ очень привлекателенъ; обнесенъ землянымъ валомъ со рвомъ, который наполненъ былъ водою.

Здѣсь насъ не останавливали, чтобы взыскать, за привезенный товаръ пошлину, такъ какъ нашему караванъ-баши выдано было отъ таможи въ Азретѣ свидѣтельство. Караванъ нашъ ввалился въ городъ.

Въ воротахъ, чрезъ которыя намъ должно было проѣхать въ городъ, стоялъ на часахъ ханскій пѣшій сарбазъ—солдатъ, на немъ былъ надѣтъ короткій саранжевый бешметъ и широкія красныя шаровары, въ ичигахъ; на головѣ бѣлая чалма съ красною кисточкой; по животу чертянутъ кривой саб-

лей, и съ *туркою* въ рукахъ (турка—ружье безъ замка, вмѣсто котораго употребляется фитиль). Лишь только мы приблизились къ воротамъ, онъ закричалъ—остановиться. Мы остановились. Изъ близъ стоящей, около воротъ, глиняной сакли, на окликъ часоваго, выскочили пять или шесть сарбазовъ, одѣтыхъ такъ-же, какъ и часовой; они потребовали отъ караванъ-баши таможенное свидѣтельство и видъ на право торговли; хозяинъ, конечно, показалъ имъ требуемое, и насъ свободно пропустили, но все-таки не по-суху—сарбазамъ сунули нѣскольکو монетъ, чтобы долго не держали.

Городъ Ташкентъ построенъ въ самомъ азиатскомъ вкусѣ; дома такіе-же, какъ и въ прочихъ азиатскихъ городахъ; встрѣчались и на подобіе русскихъ, но безъ кровель; на многихъ такихъ домахъ наверху устроены бесѣдки и усажены цвѣтами. Деревянныхъ построекъ вовсе нѣтъ, все выстроено изъ глины и кирпича; зачастую намъ встрѣчались небольшія мечети съ минаретами—съ полумѣсяцемъ; всюду попадались намъ сарты съ загорѣлыми лицами; одни шли, другіе ѣхали на ослахъ, навьюченныхъ разными овощами и фруктами, и какъ видно спѣшили на базаръ.

Проѣхавъ по городу около четверти часа, мы наконецъ достигли до жилища караванъ-баши. Домъ его сдѣланъ на подобіе русскаго—низменный, такъ что окна на самой землѣ, въ которыя вмѣсто стеклянныхъ рамъ вставлены деревянные рѣшетки, и безъ кровли; на-верху устроена бесѣдка и

также съ цвѣтами; ограда кругомъ обнесена глиняной стѣною. Возлѣ дома устроена небольшая лавка—на подобіе русской. Тутъ мы остановились, развѣючили верблюдовъ и стали складывать тюки въ лавку. Часа черезъ два управились. Нѣкоторыхъ наемныхъ погонщиковъ, которые у хозяина были большею частію изъ Каратавскихъ горъ, онъ разсчиталъ. Получивъ разсчетъ, они отправились во свояси. Остальныхъ погонщиковъ, которые у него были въ услуженіи по найму, хозяинъ отправилъ вмѣстѣ съ верблюдами за городъ, гдѣ у него, какъ я слышалъ отъ его рабочихъ, былъ хуторъ съ бакчами и садомъ. Остались при немъ только я и персіянинъ.

— Что теперь онъ будетъ дѣлать со мною? думалъ я про себя.—Поведетъ-ли продавать, или оставить при себѣ? Не дай Богъ, если продастъ въ худыя руки—тогда пропадешь ни за что, какъ скотина.

Меня и персіянина отвели въ пустую глиняную саклю, устроенную въ одномъ углу ограды. Тутъ была страшная сырость, и насъ заперли, оставивъ двоихъ. Мнѣ стало скучно, какъ въ тюрьмѣ, потому что хотя насъ было и двое, но мы вовсе не понимали одинъ другаго: я не умѣлъ говорить по-персидски, а персіянинъ зналъ только свой разговоръ, и все время былъ угрюмъ.

Къ намъ принесли закуску: кувшинъ чаю, говядины, яблокъ и всякой зелени вдоволь. Мы принялись такъ все уписывать, только за ушами пицало; такъ сказать, ѣли съ большимъ апетитомъ.

Закусивъ изрядно, мы улеглись на солому, чтобы отдохнуть. Лишь только я задремалъ и сталъ забываться, прибѣжалъ одинъ изъ мальчишекъ хозяина и говоритъ мнѣ по-своему: „Урусъ, туръ! сизга аке чакыраръ!“ т. е.: „русскій, вставай! тебя отецъ зоветъ“. Я вскочилъ, какъ дуракъ, и испугался, думая, что еще что-нибудь будутъ надо-мною строить. Оправившись, я пошелъ вслѣдъ за мальчикомъ. Меня ввели въ саклю. Хозяинъ сидѣлъ на богатомъ персидскомъ коврѣ и курилъ душистый бухарскій табакъ черезъ воду.

Увидавъ меня, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ по-русски: „Ибанъ (имя это они всегда даютъ русскому, такъ какъ произносить его очень легко), что, какъ ты думаешь—у меня будешь жить или я отдамъ тебя хану? Онъ тебя сдѣлаетъ сарбазомъ. У него будетъ тебѣ хуже, ты замрешь у него съ голоду. Лучше останься у меня, я тебя не избыжу“. Все это онъ говорилъ съ большимъ усиліемъ, ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Все равно, что хотите—дѣлайте со мною, воля ваша; я на все согласенъ, отвѣчалъ я.—Мнѣ желательно остаться у васъ: вы человѣкъ хорошій, меня обижать не будете.

— За что мнѣ тебя обижать! Ты сколько дней ѣхалъ у меня въ караванѣ, я ничего не замѣчалъ за тобою; такъ лучше живи у меня. Я тебѣ дамъ хорошую должность: ты будешь садовникомъ; у меня есть старикъ садовникъ, Муратъ, и жена его, она будетъ тебѣ своя: ее зовутъ Марья, старушка доб-

рая; ты будешь жить съ ними третій въ моемъ саду, тебя будутъ приучать къ садоводству, и ты вѣрно скажешь мнѣ спасибо.

Я изъявилъ полную готовность и отъ души радъ былъ такому дружескому его предложенію, котораго вовсе и не ожидалъ.

На другой день утромъ мы съ хозяиномъ на двухъ ослахъ отправились за городъ. Вскорѣ мы доѣхали до городскихъ воротъ, въ которыя вчера въѣхали. Выѣхавъ за городъ, мы повернули на-право вдоль городской стѣны. — Вотъ блаженство, думалъ я про себя. Отъ самыхъ воротъ по пути были великолѣпные сады, съ разными фруктами, обнесенные глиняною стѣною въ ростъ человѣка. Яблоки, груши, виноградъ свѣшивались за стѣну; мѣстами встрѣчались поля, засеянные просомъ, кукурузою, пшеницею и прочими овощами, и травою на подобіе клевера.

Въ часъ ѣзды мы достигли поля, принадлежащаго моему хозяину. Въ воротахъ сада насъ встрѣтилъ старикъ лѣтъ 65-ти; на немъ былъ надѣтъ поношенный саранжевый халатъ и такая-же ермолка на головѣ. Это былъ старый невольникъ хозяина, родомъ изъ Туркменъ. Завидя насъ, еще издали, онъ кланялся хозяину и привѣтствовалъ съ возвращеніемъ. Вскорѣ изъ воротъ показалась и старушка Марья, и также кланялась хозяину, присѣдая на правое колѣно.

Хозяинъ былъ, какъ видно, хорошій человѣкъ, обращался къ старикамъ съ вопросами ласково: сперва

спросилъ ихъ о здоровьѣ, затѣмъ и объ урожаѣ въ саду и на пашнѣ.

На это старики, отвѣчали ему: „Алла биргянъ! бакчи бикъ якши!“ т. е. „Богъ далъ бакчи очень хорошія.“ Послѣ привѣтствія мы слѣзли съ ословъ и вмѣстѣ со стариками отправились въ садъ; ословъ оставили около воротъ. Въ правой сторонѣ отъ воротъ, возлѣ стѣны, саженьхъ въ пяти, подъ сѣнію нѣсколькихъ столѣтнихъ тополей стоитъ небольшая глиняная сакля—это жилище стариковъ. Старики пригласили хозяина зайти въ саклю; онъ охотно вошелъ къ нимъ. По всему было замѣтно, что онъ ихъ очень уважалъ. Старушка тотчасъ подостлала небольшой коврикъ. Хозяинъ усѣлся, подкорча подъ себя ноги; я, конечно, сѣсть не смѣлъ, и стоялъ, прислонившись къ двери, какъ истуканъ. Старикъ тѣмъ временемъ принесъ ему на деревянномъ блюдѣ нѣсколько самыхъ спѣлыхъ яблокъ, грушъ, винограду и всѣхъ плодовъ понемногу, такъ какъ, по ихнему преданію, самые первые плоды долженъ вкусить самъ хозяинъ—это бываетъ у нихъ ежегодно. Если въ то время, когда поспѣютъ плоды, не случится хозяина, то это право предоставлено старшему въ семьѣ, потомъ уже начинаютъ снимать ихъ для продажи и запасаютъ на весь годъ, для чего ихъ сушатъ на солнцѣ. Испробовавъ принесенныя ему овощи, хозяинъ обратился къ старику, на ташкентскомъ нарѣчій, съ слѣдующими словами, показывая на меня:

— Старикъ! такъ какъ ты мнѣ двадцать лѣтъ

служишь и я тебя уважаю, какъ своего пріятеля, то довѣряю тебѣ этого человѣка: онъ славный малый. Я вполне надѣюсь, что онъ будетъ хорошій хозяинъ и замѣнитъ твою старость. Я все время молчалъ. Потомъ онъ обратился къ старухѣ: Марья, это такой-же русскій, какъ ты. При словѣ «русскій» старушка какъ-бы обезумѣла, — она впиалась своими глазами въ меня и долго оглядывала, и не знала что сказать. Хозяинъ продолжалъ: это, кажется, казакъ твоей стороны, я купилъ его у барантачей киргизовъ, около Улутау, собственно для твоей утѣхи. Ты любишь Мурата, а дѣтей у васъ нѣтъ, — онъ будетъ вамъ вмѣсто сына.

Старушка какъ-бы оживилась. Тотчасъ подкинула коврикъ, бросилась ко мнѣ, взявъ меня за руку, и заговорила чисто по-русски:

— Садись, гость ты мой дорогой; въ первый разъ еще вижу здѣсь своихъ кровныхъ; не кручинься, мой другъ, какъ тебя звать? Я отвѣчалъ: меня звали Дмитрій, а теперь, по здѣшнему закону, хозяинъ назвалъ меня Ибаномъ.

— Такъ будь ты Иванъ, или Ибанъ по-ташкентски. Какой ты казакъ—Оренбургскій или Сибирякъ? можетъ быть еще съ моей стороны, спрашивала она. — Сибирякъ! отвѣтилъ я. — Сядь, сынокъ, теперь ты все равно какъ дома. Мнѣ съ тобой отраднѣе будетъ, продолжала она говорить, усаживая меня. Я сѣлъ. Хозяинъ во все время моего разговора со старушкой что-то толковалъ со старикомъ, и по всему замѣтно,

что говорили они не по-ташкентски, а вѣрно по-туркменски. Я ничего понять не могъ.

Такъ прошло часа два. Хозяинъ обошелъ, вмѣстѣ со старикомъ, всю свою усадьбу и внимательно осматривалъ хозяйство своихъ преданныхъ стариковъ-слугъ. Потомъ, вмѣстѣ со старикомъ-же, на тѣхъ самыхъ ослахъ, на которыхъ мы пріѣхали, хозяинъ отправился въ поле, осмотрѣть скотъ, который пригналъ съ собою съ рѣки Чу. Я со старушкою остался только вдвоемъ.

Лишь только они отѣхали сажень двадцать отъ воротъ, она бросилась мнѣ на шею и принялась голосовать съ причитаніемъ. Я не могъ удержаться отъ слезъ. Тоска сжимала мое сердце, и мнѣ представилась участь этой бѣдной старухи очень жалкою. Я кое-какъ унялъ ее, чтобы не плакала, и просилъ чтобы она объяснила мнѣ про нашего хозяина—какого онъ нрава. Она перестала плакать; я усѣлся съ ней на скамейку подъ тѣнію тополей и она начала объяснять про нашего хозяина: Хозяинъ нашъ хотъ и басурманинъ, но дай Богъ ему здоровья: я теперь живу у него двадцать лѣтъ, и ничего худаго, почитай, не видѣла. Онъ такой привѣтливый, что мало такихъ изъ нашего брата русскихъ. Когда пріѣдетъ, бывало, изъ Оренбурга, то сперва расскажетъ мнѣ про нашу родину, и зачастую привозитъ мнѣ гостинцевъ.

— Какъ, бабушка, ты развѣ оттоль? спросилъ я.

— Да, голубчикъ мой, оттоль; но я совсѣмъ, почитай, забыла свой край. Я родомъ изъ-подъ

города Троицка—крестьянка; была у казаковъ на заработкахъ во время страды, и тогда насъ съ одной дѣвушкой схватили киргизы и увезли въ степь; меня продали караванъ-баши, а мою подругу оставили у себя; купившій меня караванъ-баши былъ страшный извергъ—постоянно издѣвался надо мною но дай Богъ здоровья моему старику Мурату—онъ спасъ меня. Его тоже хозяинъ купилъ у барантачей, и мы вмѣстѣ съ нимъ томились у него въ неволѣ. Когда насъ привезли въ Азретъ, мы задумали бѣжать. Хотя Муратъ туркменъ и басурманинъ, но имѣетъ хорошую душу; онъ объяснилъ мнѣ свое намѣреніе, и обѣщался, если намъ удастся пробраться къ Аральскому морю, въ его сторону,—выдать меня первому же русскому купцу, который ѣхалъ-бы въ Россію. Я согласилась. Въ Азретѣ мы стояли за городомъ; караванъ-баши однажды остался ночевать въ городѣ, и мы, выждавъ удобную минуту, скрылись изъ нашего стана. Всю ночь мы бѣжали не зная куда; на свѣтъ прибѣжали къ рѣкѣ, которая называется Сыръ-Дарья. Стало всходить солнце. Перебраться черезъ рѣку было не на-чемъ; мы остановились въ недоумѣніи и не знали, на что рѣшиться. Днемъ бѣжать, конечно, было нельзя, — какъ разъ поймаютъ сарты, и мы спрятались въ талы, чтобы дожидаться вечера, а потомъ снова пуститься въ путь; но путь нашъ былъ опасенъ: либо поймаетъ насъ нашъ хозяинъ, то навѣрно изобьетъ до полусмерти, либо должны мы умереть съ голоду. Такъ, томимые голодомъ и солнечнымъ жаромъ, мы про-

лежали въ талахъ до полдня. Подъ вечеръ, по дороге изъ Азрета показался караванъ; мы ужаснулись, и подумали, не нашего-ли хозяина, — но караванъ оказался совсѣмъ намъ незнакомый. Тогда мы разсудили лучше идти съ повинною къ караванъ-баши, чѣмъ скитаться по голодной степи. Не долго думая, мой товарищъ Муратъ отправился въ караванъ, а я осталась въ талахъ, ожидая, чѣмъ кончится дѣло.

Не прошло и часу, гляжу—ѣдетъ ко мнѣ какой-то сартъ, а Муратъ идетъ рядомъ возлѣ его лошади. Этотъ сартъ былъ теперешній нашъ хозяинъ; онъ тогда былъ лѣтъ 20-ти. Я, конечно, дѣтятко, испугалась, но дѣлать нечего. Съ худымъ намѣреніемъ одинъ-то онъ не поѣдетъ, подумала я. Когда онъ увидѣлъ меня, то сталъ говорить по-русски, не совсѣмъ хорошо, а такъ, какъ и теперь говорить: Ты русская? — Да! отвѣтила я.—Твой товарищъ просилъ меня, продолжалъ онъ,—чтобы я взялъ васъ обоихъ къ себѣ въ караванъ; если ты желаешь, то я возьму, у меня худаго вамъ не будетъ. Я согласилась и пошла съ ними. И теперь вотъ живу здѣсь. Старикъ Муратъ, по ихнему закону, сталъ мнѣ мужемъ, и насъ съ нимъ вмѣстѣ сюда опредѣлилъ хозяинъ. Здѣсь мнѣ не худо, а все, голубчикъ мой, нѣтъ-нѣтъ и раздумаюсь; какъ только онъ уйдетъ куда, то я и плакать примусь.

При этихъ словахъ она начала всхлипывать.
— Не плачь, бабушка. унималъ я ее, а самъ чуть держался отъ слезъ.—Теперь насъ двое, мы будемъ

вмѣстѣ уповать на Бога и говорить по-своему, — старикъ вѣдь ничего противъ этого не скажетъ?

— Онъ предобрый. Когда мнѣ станетъ скучно, я при немъ начинаю молиться Богу по-своему: онъ никому не сказываетъ, что не бросаю я свою вѣру.

— Да, бабушка и я на умѣ читаю свои молитвы и прошу только Бога, чтобы возвратиться на свою родину; да вѣрно не видать мнѣ своей стороны и родителей.

— Не ропщи на Бога, сказала она, — вѣдь ты еще молодой, можетъ быть удастся тебѣ скрыться отсюда. Но не дай Богъ, если поймаютъ, у нихъ законы строгіе: какого-бы ни было преступника — сперва скованнаго бросаютъ въ яму, потомъ судить его самъ ханъ лично и опредѣляетъ наказаніе; напримеръ, виновному въ кражѣ выкалываютъ глаза или на базарѣ порютъ плетми, почитай, до смерти; за убійство, ханъ приказываетъ зарывать живаго въ землю, или отдаютъ въ руки родственникамъ убитаго, — тѣ рѣжутъ ему горло и издѣваются надъ нимъ, пока онъ изойдетъ кровью; а за побѣгъ судятъ хуже всего: сажаютъ на колъ, и за руки и за ноги веревками тянутъ къ землѣ. Человѣкъ иногда живетъ цѣлыя сутки и страшнымъ крикомъ оглашаетъ базаръ, а они, злодѣи, смотрятъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало — только зубы оскалютъ.

— Ахъ! не дай Богъ, бабушка, и слышать, не то что видѣть — коли у нихъ такъ судятъ. Будемъ вмѣстѣ горе мыкать, станемъ уповать на Бога и просить его о помощи намъ. Можетъ быть онъ

услышитъ нашу молитву и поможетъ скрыться отсель.

Такъ прошло часа три; мы все сидѣли, горевали и толковали. Въ это время возвратился хозяинъ вмѣстѣ съ Муратомъ. При видѣ ихъ мы повели разговоръ о другихъ предметахъ. Увидавъ меня разговаривающаго со старушкой, хозяинъ ухмыльнулся и сказалъ: Ибанъ, сизга Марья джакинъ-тунганъ? т. е.: Иванъ, тебѣ Марья ближняя землячка?

— Юкъ-салысъ буларъ! отвѣтилъ я, т. е.: нѣтъ, дальняя будетъ. Хозяинъ продолжалъ говорить сомной по русски, видя, что я еще не совсѣмъ понимаю татарскій языкъ.

— Иванъ, теперь ты будешь жить вмѣстѣ со стариками и смотрѣть за моимъ садомъ. Я теперь ѣду домой, — прощай. Я часто буду къ вамъ ѣздить; скоро мои ребятишки сюда пріѣдутъ, такъ ты, смотри, по русски съ ними не говори, они ничего не знаютъ.

— Хорошо, отвѣтилъ я, — я буду говорить по-татарски.

— Татарча олъ бикъ бияръ, т. е.: по-татарски они хорошо знаютъ, продолжалъ хозяинъ. Исянь-болъ! минъ кайталызъ уйга! т. е.: будь здоровъ! я ѣду домой!

Простившись съ хозяиномъ, мы вышли за ворота, чтобы проводить его. Онъ сѣлъ на осла и отправился обратно въ городъ, нацѣвая себѣ подъ носъ ташкентскую пѣсню.

Проводивъ хозяина, старушка Марья принялась суетиться готовить угощеніе, развела въ саклѣ

огонь, стала готовить пилавъ, грѣть чайникъ. Пилавъ тамъ первое угощеніе; онъ готовится изъ сарачинскаго пшена, вяленой говядины, бараньяго сала и изюму; все это варятъ вмѣстѣ; кушанье это весьма пріятное, сладкое. Старикъ Муратъ тѣмъ временемъ пошелъ въ садъ и набралъ лучшихъ плодовъ: винограду, яблокъ, грушъ — однимъ словомъ, всего, что было въ саду. По всему замѣтно, что онъ былъ очень радъ, что меня опредѣлили ему помощникомъ.

Когда кушанье изготовилось, то сперва Марья подала намъ пилавъ, а сама остатки кушала изъ котелка, такъ какъ, по закону мусульманъ, женщины никогда не должны ѣсть изъ одного блюда съ мужчинами; конечно, этого-бы не слѣдовало соблюдать въ кругу невольниковъ, и я желалъ-бы, чтобы она кушала съ нами, но она это дѣлала изъ уваженія къ старику, такъ какъ онъ настоящій магометанинъ, и боялась оскорбить обрядъ, соблюдаемый имъ.

Послѣ закуски старушка подала намъ по чашкѣ чаю, который пили мы съ фруктами. Однимъ словомъ, угощеніе шло такъ, какъ у насъ теща старается угостить зятя, пріѣхавшаго въ гости въ первый разъ. Зачастую старикъ обращался ко мнѣ съ распросами — съ какой я стороны и какъ попалъ къ Мирзѣ Хасану. Я все подробно ему рассказывалъ, какъ умѣлъ; за переводчика приходилось просить старушку, если онъ не понималъ чегонибудь изъ сказаннаго мною. Старикъ слушалъ, иногда, нѣтъ-нѣтъ, да вздохнетъ, а старушка Марья чуть

держалась отъ слезъ. Она навѣрно-бы не утерпѣла, если-бы не былъ тутъ старикъ Муратъ. Потомъ старикъ повелъ меня — показать садъ. Садъ былъ расположенъ неправильнымъ четырехъ-угольникомъ, на пространствѣ около 3-хъ десятинъ квадрату, и имѣлъ однихъ фруктовыхъ деревьевъ до 500; подъ каждое дерево продѣлана канавка для ирригаціи, и очистка ихъ составляетъ главную работу; весной бываетъ здѣсь даже особое празднество, на которое хозяинъ собираетъ рабочихъ и невольниковъ, которые очищаютъ канавки для воды. По окончаніи работы колютъ нѣсколько барановъ и угощаютъ рабочихъ говядиной. Хозяинъ все это время присутствуетъ при работѣ самъ.

Дня три я былъ у стариковъ, какъ гость. Въ эти дни я на работу не ходилъ; даже самъ хозяинъ не велѣлъ меня посылать, а приказалъ, чтобы мнѣ дали отдохнуть отъ столь долгаго пути. Бывало, соскучаюсь безъ работы — пойду по саду, внимательно осматриваю все мѣстоположеніе. Задумаю, нельзя-ли какъ-нибудь *зидать лататы*, но главное — не знаю куда, и опять раздумаюсь, да и махну рукой.

Черезъ недѣлю я, вмѣстѣ со стариками, принялся за работу: вставалъ поутру часа въ три, напускалъ въ канавки воды, чтобы не посохли деревья; такъ какъ около полудня бываетъ сильный жаръ, то для этого воду пускали всегда утромъ. Снимали плоды и сушили ихъ на солнцѣ. Такъ проходили наши дни за днями, работа шла своимъ чередомъ.

Глядь, и августъ проходитъ. Въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца работа снова закипѣла. Принялись обрабатывать поля около саду, такъ какъ тогда сѣютъ другой хлѣбъ, который въ теченіе года снимаютъ два раза. Первая уборка бываетъ въ іюль мѣсяцѣ, а вторая въ послѣднихъ числахъ ноября. Траву тоже сѣютъ; снимаютъ ее четыре раза въ лѣто и сушатъ на сѣно. Такъ прошло все лѣто. Въ городъ меня старикъ не отпускалъ—все боялся, чтобы я не бѣжалъ. Хозяинъ нашъ, Мирза Хасанъ, ѣздилъ къ намъ почти каждую недѣлю.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего поступленія, въ одинъ хорошій прохладный день, къ воротамъ нашего сада подъѣхала богатая арба, запряженная муломъ; въ ней сидѣли двѣ женщины и три мальчика; старикъ въ это время ходилъ провѣдать нашихъ пастуховъ, которые были отъ сада верстахъ въ пяти, гдѣ было поле, принадлежащее нашему хозяину, подаренное ему ханомъ, — а старуха въ саду. Я встрѣтилъ пріѣзжихъ по военному обычаю азіатскихъ невольниковъ, т. е. присѣдая на правое колѣно, сложа руки на грудь, и кланялся имъ, — этимъ выражается повиненіе господамъ. Это были жены и дѣти Мирзы Хасана; одежда была на женахъ богатая, по ташкентскому вкусу: шелковый темнозеленый бешметъ, такіе-же шаравары, и сафьянные ичиги на ногахъ. Сверху накинувшись такимъ-же халатомъ. Дѣти одѣты также прилично: на нихъ были безрукавые парчевые бешметы; въ родѣ кучерской поддевки, и шитый

золотомъ аракинъ, въ-родѣ шапочки; однимъ словомъ, на нихъ пріятно было посмотреть.

Сойдя съ арбы, они привѣтствовали меня: Урусъ, аманъ! (русскій, здорово!). Я, конечно, ничего не смѣлъ отвѣчать, такъ такъ, по ихъ закону, невольникъ не смѣетъ даже взглянуть на женщинъ, не только говорить съ ними, и притомъ боялся старика, чтобы не возвратился, да не рассказалъ-бы хозяину.

Мальчикамъ было, по виду, самому большому лѣтъ 14 или менѣе, а прочимъ двумъ еще менѣе. Они обступили меня со всѣхъ сторонъ, оглядывали, спрашивали кое о чемъ, но я хотя и понималъ да плохо. Старшій изъ нихъ былъ побойче меньшихъ, онъ первый обратился ко мнѣ съ вопросами: Урусъ, сизга аты-ни? (какъ тебя звать?). Я отвѣчалъ: бизъ аты-Ибанъ (меня звать Ибаномъ). — Ибанъ! сизъ-кафыръ ни мусульманъ але? (Ибанъ! ты невѣрующій или мусульманинъ теперь?). — Але мусульманъ минъ (теперь я мусульманинъ), отвѣтилъ я.

И многое еще спрашивали; я, конечно, не на все могъ отвѣчать, и болѣе все молчалъ. Они отправились вмѣстѣ съ женщинами далѣе во внутрь сада; я шелъ позади ихъ шагахъ, въ 10-ти.

Одна изъ женщинъ по виду была моложе другой, нѣсколько пріотстала, и обратившись ко мнѣ лицомъ, открыла вуаль и засмѣялась. Ее можно было назвать вполнѣ красоткой, — ей было не болѣе лѣтъ 20, и по фізіономіи она походила болѣе на татарку.

При видѣ ея я потушился. Она обратилась ко

мнѣ и сказала чисто по-русски: Ишь какой стыдливый ты, Иванъ! ровно ты не русскій. Не хочешь и смотрѣть. Вѣдь я съ твоей-же стороны, только не русская; будь знакомъ. Я съ вашей линіи, изъ Петропавловска! А ты изъ какого мѣста? Я отвѣчалъ: изъ Омска, — и болѣе не смѣлъ сказать ничего, потому что въ это время вернулся старикъ Муратъ. Увидавъ насъ разговаривающими по-русски, онъ угрюмо взглянулъ на меня и на жену хозяина, и сказалъ по-татарски: Не слѣдуетъ вамъ, госпожа, говорить, и еще показывать ему лицо — я скажу про васъ Хасану.

Татарка видимо смутилась, закрыла лицо вуалью и пошла отъ насъ прочь.

Когда Муратъ дѣлалъ выговоръ, меня какъ кошки скребли подъ сердце. Я очень испугался, что онъ въ самомъ дѣлѣ скажетъ хозяину — тогда мнѣ придется отдуваться своими боками! „Вотъ нечистая тебя сюда принесла!“ думалъ я про себя. Но однако тѣмъ и кончилось. Старикъ маленько поугрюмился, а когда они отошли отъ насъ, онъ сказалъ мнѣ: Смотри, Иванъ, впередъ такъ съ ней не разговаривай, а то плохо тебѣ будетъ, и мнѣ изъ-за тебя достанется отъ хозяина; не смотри на него; что онъ для насъ добрый.

Пробывъ въ саду не болѣе часу, они возвратились обратно въ городъ домой, а въ послѣдствіи когда и пріѣзжали къ намъ, то болѣе съ хозяиномъ, и мнѣ къ счастью близко не приводилось такъ видѣть ихъ, какъ въ первый разъ.“

IV.

Женитьба.

Было около полуночи. Нѣкоторые изъ слушателей стали дремать, иной храпѣлъ на всю казарму, и рассказчикъ зачастую начиналъ клеветать носомъ.

— Ты, дядя Дмитрій, начинаешь дремать? отозвался кто-то изъ слушателей.

— Да, братцы, сонъ что-то сталъ клонить. Вотъ кабы теперь дерябнуть стаканушку, да покурить, авось опять-бы оправился да побалакалъ-бы.

— Зачѣмъ-же дѣло стало. Горѣлка еще есть, чарки двѣ будетъ, а если мало будетъ, то не за горами — сходить можно, говорилъ одинъ казакъ, и изъ бутылки буль-буль въ чарку, подавая рассказчику. — Накось, Дмитрій Хрисанфовичъ,хвати, только чуръ, не дремать.

Рассказчикъ выпилъ, крякнулъ, и отплюнулся, подавая чарку обратно — Держи другую! Выпилъ и другую.

— Ахъ, братцы, еще-бы покурить, и сонъ-бы грошель.

Рассказчикъ взялъ трубку. Покуривъ, онъ обра-

тился къ слушателямъ и сказалъ: ну, слушайте-же, братцы, еще кое-что вамъ поболтаю.

„Прожилъ я цѣлый годъ со стариками втроемъ. Работа у насъ шла своимъ чередомъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, значить по нашему зимой, сталъ выпадать снѣжокъ, какъ иней, а около полудня его и нѣтъ—опять то-же лѣто; но только въ зимніе мѣсяцы часто бываетъ дождь, иней, а когда и взаправду снѣгъ—это время ташкентцы называютъ зимой. Работы стало меньше и скука начала меня одолевать. Старуха, бывало, обратится ко мнѣ: Иванъ, тебѣ должно быть скучно?—Да! тоскливо отвѣчаю я, — работы, почитай, что нѣтъ, а въ городъ ни-когда не отпускаютъ.

— Что-же дѣлать, голубчикъ, вѣдь не старика воля и не моя, коли хозяинъ не приказывалъ. Да ты еще ничего не знаешь: я слышала, что хозяинъ уѣхалъ въ Кокань, хотѣлъ тебѣ привезти невесту и хочетъ женить тебя, оно бы и не нужно, да пропасть ее побери, его молодая-то жена, которая съ тобой прошлый разъ разговаривала, стала что-то пожуриваться, все просится одна съѣздить къ намъ, должно быть она тебя не тово-ли, смотри, другъ мой?—мнѣ все сказывалъ Муратъ.

— А лѣшій её знаетъ, отвѣчалъ я. Она, когда въ первый разъ встрѣтила меня въ саду, все нѣтъ-нѣтъ, да откроетъ фату, смотрю и по нашему знаетъ говорить. Она сказывала мнѣ, что она татарка съ нашей стороны, всего отъ моей родины

300 верстъ. Какъ сюда-то она попала? Ты, можетъ быть, знаешь тѣтя?—спросилъ я.

— Вѣстимо какъ, вышла за мужъ; отецъ-то ея купецъ, часто, почитай, бываетъ сюда съ товарами, ну и подружился съ нашимъ хозяиномъ, сталъ сватать; у нихъ законъ-то вѣдь такой: кто за невесту побольше дастъ калыму (окупу), за того и отдаютъ.

— А давно-ли она за мужемъ? спросилъ я.

— Недавно, всего двухъ годовъ нѣтъ; еще дѣтей ни одного не было, а эти три мальчика отъ старшей жены—она взята изъ Бухаріи. Даромъ что изъ разныхъ сторонъ, а живутъ обѣ согласно, или хозяинъ ихъ такъ строго держитъ.

— Что-же хозяину-то пришла мысль женить меня? Вѣдь я работникъ. Кто за меня отдастъ? Да мнѣ и жены вовсе не надо.

— Хмъ... Кто отдастъ? говоришь ты; очень просто: купить, конечно, какуюнибудь персіянку да женить на ней, и дѣло кончено; а то вѣдь онъ вотъ чего боится: чтобы татарка не бѣжала вмѣстѣ съ тобой,—не даромъ все просится побывать къ намъ одна, безъ провожатыхъ. Ты не говорилъ-ли ей когданибудь о побѣгѣ?—Избави Богъ, тѣтя! Если я задумаю бѣжать, то лучше одинъ, чѣмъ съ ней. Да я еще и не думалъ, — авось что будетъ впередъ.

— Смотри, сынокъ, не вяжись съ ней, а то плохо будетъ тебѣ отъ хозяина, даромъ что онъ тебя полюбилъ. Ты не слыхалъ, что онъ сдѣлалъ съ пер-

сіяниномъ-то, котораго онъ привезъ вмѣстѣ съ тобою? Тоже хотѣлъ было скрыться, да не удалось.

— Да я и позабылъ спросить про него. Что-же онъ съ нимъ сдѣлалъ, когда узналъ, что онъ хотѣлъ бѣжать? спросилъ я.

— Его тогда-же, какъ тебя повезъ самъ къ намъ, онъ отправилъ въ поле къ старшему пастуху, тамъ онъ побылъ, кажется, съ мѣсяцъ, былъ такой смирный да тихій, какъ умная дѣвка. Старикъ пастухъ довѣрилъ ему пасти лошадей. Когда онъ узналъ, что въ табунѣ есть хорошія лошади, то задумалъ бѣжать. Въ одно время онъ съ вечера пригналъ лошадей къ саклѣ, гдѣ они живутъ, потому что вечеромъ доятъ кобыль. Поужиналъ и опять погналъ на ночь пасти. Старикъ, какъ зналъ, оставилъ лучшую лошадь для хозяина, который собирался на ней куда-то ѣхать въ гости. Лишь только персіянинъ угналъ лошадей — пріѣхалъ хозяинъ; посидѣлъ въ саклѣ съ часъ время и спросилъ старика табунщика — кто въ табунѣ? Ему сказали, что персіянинъ; сердце его какъ-будто что предчувствовало; немного разговаривая, онъ сѣлъ на лошадь и отправился къ лошадямъ; пріѣзжаетъ — пастуха нѣтъ; ну его кричать. Не тутъ-то было: его и слѣдъ простылъ. Тотчасъ поймалъ другую лошадь на скаку, пріѣхалъ къ саклѣ пастуховъ, разбудилъ одного киргиза, вскочили на лошадей и пошли по слѣдамъ бѣглеца. Ужь на другой день его нашли въ талахъ; если бы не взяли съ собою собаку, то онъ-бы совсѣмъ пропалъ, да она по слѣдамъ довела ихъ. А

какъ привезли его назадъ, то чуть не заporоли плетьюми, бросили въ яму и цѣлую недѣлю его морили. Теперь опять на свободѣ, снова пасетъ, только не лошадей, а барановъ. Вотъ, сынокъ, и убѣгай! Теперь небось закаялся — такъ заключила она.

Было лѣтомъ, только не знаю, въ какомъ мѣсяцѣ; знаю, что, почитай, черезъ годъ моего плѣна, такъ какъ я по-русски узнавать не сталъ — какой годъ, мѣсяцъ или день; у насъ мѣсяцъ бываетъ 30 и 31 день, а по ихнему считается со дня рожденія мѣсяца и по счету выходитъ 29 дней; я считалъ и съ толку сбился, а записывать на бумагѣ не умѣлъ; въ одно утро, въ праздникъ Курбанъ-байрама, я сидѣлъ на скамеечкѣ, подлѣ воротъ сада, раздумался по родинѣ и сталъ избирать время, когда-бы мнѣ бѣжать. Мысль эта не давала мнѣ покоя ни на минуту, и никакія хозяйскія милости меня не тѣшили; тоска по родинѣ сковала мое сердце; лучше быть нищимъ, да на родинѣ, нежели богачомъ въ неволѣ. Сижу себѣ, да думаю, конечно, ничего не знаю, что можетъ случиться. Приходитъ ко мнѣ старикъ Муратъ и говоритъ мнѣ по-ташкентски; Иванъ! сегодня нашъ праздникъ Курбанъ-байрамъ, ты пойдешь со мной въ городъ; тебѣ хозяинъ привезъ изъ Коканіи невѣсту, сегодня ты долженъ ее получить, — смотри, не смѣй отказываться, а то плохо будетъ тебѣ: не равенъ часъ — хозяинъ осердится. Невѣсту я видѣлъ: дѣвка молодая, лѣтъ 20-ти съ небольшимъ, родомъ персіянка; онъ ее купилъ собственно для тебя: ты какъ ее увидишь, то на-

вѣрно полюбишь ее; идемъ теперь пить чай, Марья давно приготовила, дожидается тебя. Я постановилъ—ни-за-что не жениться, но рѣшился молчать. У старухи все было готово: въ сторонѣ отъ сакли, подъ тѣнью тополей, постланъ коврикъ, и на немъ мы расположились кушать чай. Марья была что-то очень весела.—Иванъ! сказала она, — теперь я не буду вамъ готовить; сегодня подъ вечеръ у тебя будетъ молодая жена, а я буду свекровью, стало быть буду въ покоѣ; ты навѣрно не заставишь меня за ней ухаживать. Я все время молчалъ и думалъ про себя: Неужели-же я поущу себѣ такое безбожіе? Лучше умереть, нежели народить незаконное потомство, предавшись разврату.

Напившись чаю, старушка взяла меня за руку и сказала: пойдѣмъ въ саклю, я тебѣ кое-о-чемъ потолкую. Я всталъ и пошелъ съ нею, а старикъ остался; вѣрно онъ зналъ, что она хотѣла со мной дѣлать. Войдя въ саклю, она посадила меня и сама стала рыться въ тючкахъ, гдѣ хранился разный скарбъ. Гляжу—никакъ достаетъ мѣдный образокъ. Я какъ увидѣлъ, то не усидѣлъ на мѣстѣ, кинулся къ ней вырвалъ его изъ рукъ, и прижавъ къ сердцу, сильно радовался вѣдь цѣлый годъ ни одного лика нигдѣ не встрѣчалъ. —Ахъ! тѣтя! отколь ты это сокровище взяла? Дай его мнѣ, я буду молиться; тогда не забуду свое отечество и вѣру. — Нѣтъ, другъ мой, его показывать нельзя; если провѣдаютъ басурманы, то насъ обоихъ живыхъ зарюютъ въ зем-

лю; я теперь, по долгу матери, тебя имъ благословлю, такъ какъ ты идешь не на праздникъ, а на женитьбу,—то это будетъ въ память нашей православной вѣры. И взявъ у меня образокъ—привѣсила на стѣнку и говоритъ мнѣ: Митя! помолимся вмѣстѣ, пока есть время. Я палъ на колѣни, старушка тоже, и стала читать вслухъ: Отче нашъ, иже еси на небѣсахъ, и проч., а у самой слезы какъ градъ текутъ; я тоже не могъ утерпѣть. Молитва кончилась, на душѣ у меня просвѣтлѣло, миръ и тишина влились мнѣ въ душу свыше; такова сила молитвы, и я почувствовалъ не радость вѣнчанія, а свѣтлую надежду видѣть мою родину. Снявъ со стѣнки образъ, Марья поцѣловала его и тутъ же благословила меня. Дай тебѣ Господь свѣта и разума! проговорила она, затѣмъ спрятала образокъ туда-же, гдѣ взяла. Послѣ достала изъ сундука два саранжевыхъ халата, оба новые, одинъ велѣла надѣть мнѣ, а другой, конечно, старику, и также не замедлила принести двѣ бѣлыя чалмы. Одѣвшись по праздничному, я со старикомъ отправился въ городъ пѣшкомъ.

Дорогой намъ встрѣчались сарты, одѣтые по праздничному; на однихъ были богатые парчевые халаты, на другихъ саранжевые, на головахъ бѣлыя чалмы; кто ѣхалъ на богатомъ аргамакѣ, кто на ослѣ или лошаdkѣ. Всѣ, повидимому спѣшили, въ городъ, къ полуденному намазу (молитвѣ), откуда доносился призывъ азана съ минаретовъ мечетей.

Около полудня мы дошли до города. У город-

скихъ воротъ стояли нѣсколько сарбазовъ въ богатой одеждѣ; на нихъ были, вмѣсто прежнихъ видѣнныхъ мною саранжевыхъ бешметовъ, зеленыя куртки, красныя широкія шаровары и бѣлыя чалмы съ красною кисточкой на верхушкѣ; по всему замѣтно, что форма у нихъ была парадная..

Когда мы дошли до города, на минаретахъ раздавался призывъ азана правовѣрныхъ на молитву: „Алла гоперь! Алла гоперь. Аяна—сала! Магомединъ ара сулла.“ Это былъ второй призывъ; служба у нихъ въ теченіе дня бываетъ три раза, также какъ у насъ, на примѣръ: первый призывъ бываетъ утромъ при восходѣ солнца, второй въ полдень и третій вечеромъ при закатѣ солнца. Въ городѣ видать было, почти изъ каждой сакли, гдѣ только есть мужчины, что они выходили въ праздничномъ нарядѣ, направляясь на молитву въ ближайшія отъ своихъ жилищъ мечети. Вскорѣ мы дошли до жилища нашего хозяина. Онъ сидѣлъ у воротъ своего дома; увидавъ насъ, онъ всталъ съ мѣста и пошелъ къ намъ на встрѣчу, привѣтствуя насъ со старикомъ: „Саламъ-малекомъ бабай?“ — „Алекимъ-сала!“ отвѣчалъ старикъ; т. е.: Здорово-ли ты живешь, дѣдушка?“ — „Здоровъ, какъ видишь“. При этихъ словахъ хозяинъ протянулъ обѣ руки старику и они пожали ихъ другъ другу. Потомъ хозяинъ обратился ко мнѣ и также пожалъ мнѣ руки. Я просто диву дался, какъ онъ дружески съ нами обращался, все равно какъ съ друзьями, а не съ невольниками.

Мы все трое отправились въ главную мечеть, которая была около ханскаго сераля (дворца).

Когда мы подходили ближе къ палатамъ хана, народу тутъ тѣснилось все болѣе и болѣе. Противъ дворца, на площади, стояла каменная мечеть съ минаретами, на которой азанъ, заткнувъ пальцами уши, ревѣлъ во все горло: „Алла гоперь!“ и проч. Вокругъ мечети сидѣли кучками на пескѣ сарты, челоуѣкъ по 10-ти, и разсуждали между собою.

Мы присѣли къ одной кучкѣ. Хозяинъ сталъ съ ними разговаривать кое-о-чемъ; сарты, замѣтивъ меня по лицу, что я бѣлѣе ихъ, подумали, что я не ташкенецъ, и нѣкоторые изъ нихъ обратились ко мнѣ съ вопросами:

— Мирза сизъ кай тунганъ? (господинъ, вы какой уроженецъ?).

— Бизъ татаръ урусъ джерина, хасанъ катуни куурдасъ булармусъ! т. е.: я татаринъ, русскій подданный, буду братъ женѣ Хасана.

Сарты покрутили головой. По всему замѣтно, они усомнились, что я татаринъ.

Когда я сказалъ имъ, что братъ женѣ Хасана, онъ взглянулъ на меня и разсмѣялся, такъ какъ онъ не ожидалъ, чтобы мнѣ могло придти въ голову, сказать такъ; повидимому, былъ очень мною доволенъ. Не дай Богъ, если-бы я сказалъ, что я русскій, тогда навѣрно-бы не одобровать мнѣ и вмѣстѣ съ хозяиномъ; меня-бы представили хану, а хозяина въ колодки на мѣсяць. Тогда пеняй самъ на себя; а у

хана жить етакое, говорятъ, что не дай Богъ: просто адъ крошечный.

Черезъ полчаса нашего прихода, изъ воротъ ханскаго сераля показался самъ ханъ, въ сопровожденіи вельможъ, человекъ 10-ти, шедшихъ позади его—это были его министры. Одежда какъ на немъ, такъ и на сановникахъ его состояла изъ богатыхъ парчевыхъ халатовъ, унизанныхъ галунами и жемчугомъ; на головѣ у каждаго бѣлая какъ снѣгъ кисейная чалма. По правую руку хана шель имамъ съ посохомъ.

При видѣ хана ташкентцы всѣ встали и, сложа руки на грудь, кланялись ему. Ханъ тоже въ свою очередь кланялся на обѣ стороны.

Это былъ торжественный выходъ хана изъ дворца въ свою мечеть на молитву. Лишь только что онъ со свитою вошелъ въ мечеть, то вся чернь кинулась волной къ мечети. Мы съ хозяиномъ тоже вошли въ мечеть. Началось обычное богослуженіе, которое правилъ имамъ, и всѣ присутствующіе слѣдовали его манерамъ.

Ханъ стоялъ на особомъ мѣстѣ, устроенномъ съ правой стороны въ мечети. Въ мечети не было никакихъ изображеній и украшеній, кромѣ одного полумѣсяца, который сдѣланъ, кажись, изъ серебра, былъ прибитъ на передней стѣнѣ, и тутъ-же висѣла деревянная красная доска, испи-санная священными словами изъ Корана. Полъ былъ устланъ богатыми персидскими коврами. Особеннаго я ничего не примѣтилъ.

Богослуженіе продолжалось не болѣе часу. Во время молитвы я то-же дѣлалъ, что и прочіе, но молитвы читалъ про себя по своему, какія зналъ, и просилъ у Бога прощенія въ моихъ гнусныхъ и мерзкихъ поступкахъ.

Послѣ богослуженія ханъ такимъ же порядкомъ возвращался во дворецъ. Вельможи его приглашали всѣхъ присутствующихъ въ ханскій дворъ на ашъ (на обѣдъ), который состоялъ изъ вареной говядины, кумысу и разныхъ фруктовъ. Многіе сарты наперерывъ спѣшили во дворъ хана. Праздникъ этотъ бываетъ ежегодно и совершается такимъ порядкомъ, какъ былъ и теперь. Хозяинъ нашъ отказался идти на обѣдъ. Предвидя бѣду, я шепнулъ старику, что скорѣе умру, нежели женюсь. Онъ испугался, но молчалъ.

Когда мы вошли въ домъ—женщинъ не видно было ни одной, такъ какъ по закону ихъ—если въ домъ заходить кто либо изъ постороннихъ лицъ, то женщины тотчасъ удаляются, остаются одни только невольники. Въ эту минуту старикъ куда-то отвернулся и тотчасъ-же невольникъ поднесъ мнѣ чарку какого-то питья. Я выпилъ—и стало у меня скоро рябитъ въ глазахъ. Хозяинъ приказалъ изготолать пилаву, чаю и принести плодовъ, которыми угощала насъ его невольница, персіянка Рахима. Эту-то персіянку онъ и купилъ въ Коканіи, собственно для меня; ей было лѣтъ 25, роста средняго, съ чистымъ лицомъ и правильными чертами; мнѣ она приглянулась.

По окончаніи закуски хозяинъ пригласилъ изъ сосѣдней мечети муллу, который не замедлилъ придти. — Иванъ! обратился ко мнѣ хозяинъ, показывая на персіянку, — вотъ твоя невѣста, я её купилъ собственно для тебя; теперь ты будешь жить хозяиномъ; почитай стариковъ Мурата и Марію, они будутъ жить съ тобой вмѣстѣ.

Потомъ обратился къ моей невѣстѣ и что-то говорилъ ей по-персидски; мы, конечно, ничего не понимали. Она кивала головой въ знакъ согласія.

Начались приготовленія къ таинству брака. Среди сакли развели огонь, меня посадили противъ его на богатый коверъ; двѣ невольницы подвели ко мнѣ невѣсту и посадили подлѣ меня по лѣвую руку. Мулла потребовалъ воды въ чашкѣ, ему подали; положивъ въ воду два горячія угля и поставивъ чашку передъ нами, мулла раскрылъ книгу, сядя противъ насъ по другую сторону огня, тоже на коврѣ, на корточкахъ, и началъ читать молитвы; мы съ невѣстой слушали. Окончивъ читать, онъ взялъ чашку съ водой, три раза дунулъ въ неё, потомъ набралъ въ ротъ воды и по три раза sprysнулъ насъ. Послѣ прочиталъ вслухъ батю, по нашему отпусту, далъ испить воды — и тѣмъ кончился обрядъ бракосочетанія.

Начались поздравленія. Первый поздравилъ насъ самъ хозяинъ, потомъ по старшинству всѣ присутствовавшіе при церемоніи.

— Я все видѣлъ, слышалъ и исполнялъ, точно

въ столбнякѣ: никакой силы у меня не было. Это они окаянные напоили меня опіумомъ!...

— Вотъ мошенники! — вскрикнули слушатели, — такъ и окружили, все равно что киргизы.

— Конечно, такъ же: вѣдь у нихъ одинъ магометанскій законъ, только разность съ персіянами, въ томъ, что ташкенцы считаются коранъ неполнымъ; къ нему добавляется книга Османа „Сунна“, а персіяне считаютъ Коранъ полнымъ; поэтому одни называются по книгѣ „Сунна“ сунитами, а другіе шитами. Вотъ и вся разница въ ихъ законѣ — какъ у нашихъ старообрядцевъ съ православными. Такъ разъяснял нашъ рассказчикъ.

V.

Семейная жизнь.

— Какъ-же вы жили съ женою? спросилъ рассказчика казакъ Ереминъ.

— Слушайте, расскажу. „Послѣ обряда женитьбы мы отправились въ свой пріютъ. Для жены хозяинъ далъ осла, навьючивъ его нужными припасами.

Я все еще былъ не въ своей памяти.

По закону мусульманъ, я, какъ женихъ, долженъ былъ идти пѣшкомъ, ведя за поводъ осла. Это дѣлается въ знакъ перваго уваженія молодой женѣ.

Старикъ Мурать также шелъ пѣшкомъ. Дорогой со старикомъ мы разговаривали кое-о-чемъ, молодая наша сидѣла на ослѣ, понутивъ голову и закрывъ лицо халатомъ. Старикъ часто обращался къ ней съ вопросами, но она мало отвѣчала, потому что плохо знала по-ташкентски.

Къ вечеру мы достигли нашего жилища; старушка сидѣла у воротъ и дожидала насъ; лишь только что мы стали приближаться, она кинулась намъ на встрѣчу и поздравляла меня съ молодой женой, а старика съ дочерью. Я, какъ дуракъ, только хлопалъ глазами да улыбался.

Подѣхавъ къ воротамъ сада, я снялъ молодую съ осла; старушка, взявъ ее за руку, повела въ саклю. Мы со старикомъ развьючили осла, сложили вещи подъ навѣсъ, а осла отпустили въ садъ.

Войдя въ саклю, я и не замѣтилъ, что у Марьи все было готово: чай собранъ съ лучшими фруктами и разными пряностями, — однимъ словомъ, закуска была богатая. Началось угощеніе, старушка подчивала болѣе всѣхъ молодую, — она стыдилась. Угощеніе продолжалось не болѣе часу, послѣ разбрелись на покой; старикъ сунулся на койку и захрапѣлъ, умаявшись, цѣлый день ходивши, а намъ съ молодой Марья приготовила постель въ углу сакли; я также усталъ, взявъ жену за руку и сказалъ ей по ташкентски: „Рахима! юку киракъ бараикъ!“ т. е. нужно спать, пойдемъ. Старушка обратилась ко мнѣ и сказала: иди съ Богомъ, сынокъ, ты сегодня усталъ. Я згаль отрезвляться.

Когда жена раздѣлась и легла, я вышелъ къ старушкѣ и сказалъ ей на ухо: Тѣтя, достань давишній образокъ выйдемъ изъ сакли, да помолимся Богу. Она, много не говоря, достала образокъ, и взявъ меня за руку, сказала такъ-же тихо: идемъ, Митя, скорѣе — ишь какъ старикъ-то храпитъ. — Пускай себѣ спитъ! сказалъ я. Мы вышли; скрывшись подъ тѣнь тополей, привѣсили образокъ къ дереву, пали на колѣни и стали молиться со слезами. Прошло около часу нашей молитвы. Когда кончили молиться, старуха взглянула на небо, и, показывая туда рукою, проговорила: вотъ, Митя, Мамаева дорога; смотри, если Богъ велитъ бѣжать отсюда, то держи путь по ней, она ведетъ прямо на Сибирскую линію; я про это слыхала даже отъ ташкентцевъ: они всегда, когда убѣжитъ ктонибудь изъ нашихъ, то ночью бѣгутъ въ погоню по ней. Однако, время слать, пойдемъ, а то какъ разъ не проснулся бы старикъ и не хватился бы насъ.

Мы вернулись въ саклю, старикъ храпитъ; я подошелъ къ постели жены, она тоже спитъ; ну, я какъ только сунулся, такъ и захрапѣлъ, умаявшись цѣлый день ходивши.

Не буду рассказывать, что было на другой день. Началась опять та-же исторія: вставай утромъ часа въ три, напускай въ канавки воды, снимай фрукты, однимъ словомъ — работай цѣлый день. Жена хорошо свыклась съ нами, старики любили ее какъ родную дочь; со мною жила совѣтно, я почти полюбилъ ее какъ свою жену, а она и души

во мнѣ не чаяла, и такъ жили мы душа въ душу. Часто, вечерами, мы со старухой удалялись въ глушь сада, гдѣ было гуще дѣревъ, тамъ мы молились. Хозяинъ посѣщалъ насъ часто; даже и жены хозяйскія стали ѣздить, почитай, каждую недѣлю; однимъ словомъ жизнь наша совсѣмъ перемѣнилась. Такъ прошло съ годъ; Богъ даровалъ мнѣ радость — жена наградила меня первымъ сыномъ: но радость не совсѣмъ-то была мнѣ по сердцу, — я все жалѣлъ, что такая богатая сторона не знала истинной вѣры. Сына, въ угодность женѣ, нарекли именемъ Измаиль.

Часто хозяинъ мнѣ говаривалъ: Иванъ! теперь, я думаю, ты не скучаешь по родинѣ; ишь я какъ люблю тебя — купилъ тебѣ жену, а теперь Богъ далъ тебѣ сына — это большое счастье. Не думай, чтобы я тебѣ сдѣлалъ чтонибудь хуже: я теперь довѣряю тебѣ все, и когда буду уѣзжать въ Бухарию или въ вашу сторону — ты всегда послѣ меня будешь хозяиномъ; не давай воли и моему семейству, когда не будетъ меня дома.

Я отъ души покорно благодарилъ моего добраго хозяина, и мнѣ даже стыдно было обманывать этого почтеннаго человѣка... Я былъ счастливъ моею доброй любящей женой и моимъ здоровымъ сынишкой: но что дѣлать, когда тоска по родинѣ мѣшала моему доброму покою. Иногда я раздумуюсь бѣжать, но жаль было оставить дитя. Однако родина болѣе влечетъ, почитай, каждыя; живи хоть

въ блаженствѣ, но нѣтъ родныхъ — тогда и блаженство надоѣсть — не зналъ-бы куда скрыться.

Такъ прошло моего плѣна четыре года. На четвертомъ году у меня опять явилась прибыль, знай только управляйся. Жена родила другаго сына: въ угодность старику и для уваженія хозяину, мы съ-обща назвали его Хасаномъ. Вотъ, думаю я, и бѣги! а куда я долженъ дѣвать дѣтей — вѣдь моя кровь; жену не такъ жаль, какъ дѣтей. Дѣлать нечего, пришлось покориться по-неволѣ, коли Господь за грѣхи, что-ли, такъ наказывалъ меня. Не прими-бы я ихъ проклятый магометанскій законъ, то навѣрно-бы замучили меня, за-то тогда если-бы задумалъ бѣжать, то кто-бы мнѣ попрпятствовалъ; а теперь вышло не то: не привязанъ-же вѣдь былъ я, а сиди какъ прикованъ. Проклятый хозяинъ! зачѣмъ ты оженилъ меня?.. Но Господь умилосердился надо мной и спасъ меня.»

При этихъ словахъ рассказчикъ прослезился.

— Что ты, Митрій Хрисанфовичъ! что съ тобой? Есть о чемъ горевать? Вѣдь ты теперь не въ плѣну, о чемъ тутъ плакать? Смотри, какая у тебя добрая теперь жена, да и сынишку твоему — не персіянину, а русскому, почитай, четыре года, сказалъ сосѣдь его Марковъ.

— Плачу я отъ благодарности Богу: не стану рассказывать какъ въ два мѣсяца, одинъ за другимъ, померли отъ лихорадки оба мои сына. А за ними — и жена умерла съ тоски по нихъ... Грѣшный человѣкъ — пожалѣлъ я ихъ и заскучалъ;

но скоро увидѣлъ, что это Господь указываетъ мнѣ путь. И задумался я крѣпко... Дайте, братцы, покурить, да надо кончить рассказъ-то.

— На покури, да доскажи повѣсть-то; я, право, готовъ всѣ сутки не спать, а слушать. При этихъ словахъ одинъ изъ слушателей подаль рассказчику трубку.

— Ну, теперь надо кончить. „Было подь осень; въ одинъ вечеръ мы со старушкой Марьей пошли въ садъ собирать хворостъ; она и говорить мнѣ: „Дмитрій, ты еще молодъ, говорить ты теперь по-ташкентски хорошо знаешь, тебя никакъ нельзя узнать, что ты русскій. Хозяинъ уѣхалъ, теперь самый удобный случай бѣжать; вѣдь ты православный, грѣшно жить съ басурманами; бѣги, пока есть время; если-бы ты настояще бросилъ нашу вѣру, то, конечно, не подумалъ-бы и бѣжать; но я вижу, что ты усердно вѣруешь въ Бога: хотя тайно, а мы съ тобой молимся, Господь все видитъ, Онъ воздастъ намъ явно. Бѣги, другъ мой, Богъ самъ послалъ смерть семьѣ твоей и освободилъ тебя. Я бы сама вмѣстѣ съ тобой бѣжала, но силъ моихъ не хватило, а ты еще въ силахъ, слава Богу, — не теряй напрасно времени.“

Услыша эти слова, я весь вострепелъ отъ радости. Неужели я буду свободенъ и увижу свою милую родину! воскликнулъ я.

— Вѣстимо, увидишь: надо бѣжать, — тамъ у тебя есть отецъ, мать, сестры, а здѣсь никого нѣтъ, кромѣ меня, да и то я тебѣ чужая; но я желаю тебѣ добра и успѣха; не думай, другъ мой,

много, а лучше съ Богомъ собирайся. Я теперь буду готовить тебѣ, что будетъ нужно, на дорогу, ни кто не узнаетъ; приготовлю я лепешекъ дней на пять, а тамъ и Богъ дастъ. Онъ не безъ милости.

— Какъ-же мнѣ, тетя, бѣжать, пѣшему, что-ли? спросилъ я ее.

— Зачѣмъ пѣшему, — у хозяина въ табунѣ есть буланая кобыла и у ней 2-хъ лѣтній жеребчикъ; на нихъ только ты можешь скрыться — они первыя лошади, такихъ не найдется, почитай, во всей Ташкени; они самыя любимыя его старшей хозяйки; ей подарилъ ихъ отецъ ея; а изъ табуна взять ихъ тебѣ очень просто: хозяина теперь нѣтъ, онъ приѣдетъ не ранѣе недѣли, а ты тогда далеко будешь; погони ждать неоткуда, старикъ мой не кинется. Тебя пастухи знаютъ хорошо; они знаютъ также, что хозяинъ тебя любитъ и довѣряетъ тебѣ все, когда самого дома не бываетъ. Иди, скажи пастуху, что, молъ, хозяйка велѣла прислать съ тобой этихъ лошадей; онъ, конечно, отказать не посмѣетъ, и не подумаетъ, что ты его обманываешь. Такъ не думай-же, мой другъ, много, а собирайся съ Богомъ пока есть время.

Во мнѣ вся кровь заволновалась. Совѣсть стала мучить меня, что я живу среди басурманъ, при такихъ удобныхъ средствахъ къ побѣгу: точно и я обасурманился. Во мнѣ словно внутренній голосъ говорилъ: „бѣги, Митрій, бѣги! теперь самое хорошее время къ побѣгу — по тебѣ тоскуетъ родина!“

Такъ я задумалъ бѣжать. Старушка тайно стала

готовить все, что было нужно на дорогу, и старикъ ничего не замѣчалъ за ней. Я притворился черезъ-чуръ веселымъ, для того, чтобы онъ ни какъ не могъ догадаться о нашемъ намѣреніи; сталъ любезнѣе обращаться съ нимъ, работалъ въ эти дни до глухой ночи. Однимъ словомъ, старался скрывать волненіе моихъ мыслей.

Дня черезъ два послѣ разговора со старушкой, я опять спросилъ ее: тѣтя, ты можетъ быть знаешь, по какому направленію мнѣ надо бѣжать?

— Развѣ я тебѣ не говорила? Вѣдь я показывала тебѣ Мамаеву дорогу, такъ держи по ней направленіе, тогда ты прямо выбѣжишь на нашу границу, а тамъ ужъ найдешь куда держать путь. Не думаешь-ли ты бросить свое намѣреніе.

— Нѣтъ! отвѣчалъ я,—коли задумалъ бѣжать, то завтра-же меня не будетъ; я не могу больше терпѣть, совѣсть мучаетъ меня и все твердитъ мнѣ: „Бѣги, Митрій, бѣги!“

— Такъ Господь тебя благословитъ. Я буду за тебя молиться, Митя, чтобы Господь помогъ тебѣ скрыться отсюда и благополучно пробраться на родину. Иди завтра подъ вечеръ къ табунщику, поймай лошадей, да съ Богомъ и въ путь. Я все ужъ вынесла, отсюда будетъ за версту, знаешь талы „карасоръ?“ Тутъ я тебя встрѣчу и провожу. При этихъ словахъ старушка заплакала, и я тоже не могъ утерпѣть.

VI.

Бѣгство изъ плѣна.

Въ послѣдній день я былъ такъ встревоженъ, что съ трудомъ скрывалъ свое волненіе. Мнѣ казалось, что не только старикъ, но каждое дерево въ саду нашемъ подглядываетъ за мною и подозрѣваетъ мое намѣреніе.

Спасибо доброй старушкѣ Марьѣ: она безпрестанно напоминала мнѣ, что бы я ободрился и казался спокойнымъ. Къ счастью моему, старикъ накануне что-то заохалъ, жаловался на немощу и все больше лежалъ.

Но чѣмъ ближе подходилъ день къ вечеру, тѣмъ пуще былъ я неспокоенъ; наконецъ начала меня трясти такая лихорадка, что зубъ на зубъ не попадалъ—я ждалъ и не могъ дожидаться желанной минуты.

Когда за вечерѣло, я постарался овладѣть собой; напился воды, чтобы нѣсколько утолить внутренній жаръ и благословясь, пошелъ потомъ къ старику.

Войдя въ саклю, я сказалъ старику что пойду на ночь, провѣдаю табунщиковъ, потому что мнѣ велѣлъ хозяинъ наблюдать за табуномъ. Онъ сказалъ мнѣ: сходи, провѣдай, а ночью вернись назадъ домой.—Вернусь, только поздно: ты не дожи-

дайся меня и не оставляй ужина, можетъ быть я тамъ заночую! сказалъ я. Дождавшись вечера, я украдкой помолился, обошелъ весь садъ, прощаясь и съ нимъ, и отправился къ пастухамъ, которые были отъ насъ около пяти верстъ, не болѣе. На закатѣ солнца я дошелъ до ихней сакли; старикъ табунщикъ встрѣтилъ меня радушно и не преминулъ согрѣть чайникъ и угостить меня съ дороги чаемъ и кумысомъ.

Въ сумеркахъ ото всюду гнали пастухи скотъ къ саклѣ. Тутъ я увидѣлъ прежняго своего товарища персіянина, — онъ тоже со стадомъ барановъ возвращался съ пастбища на отдыхъ. Лошади, коровы, бараны своимъ крикомъ оглашали долину. Я со старикомъ табунщикомъ отправился осматривать скотъ. Приказалъ пастухамъ поймать тѣхъ самыхъ лошадей, о которыхъ мнѣ говорила Марья: сказалъ, что старшая жена велѣла мнѣ ихъ привести въ городъ, хотѣла ѣхать со старшимъ сыномъ встрѣтить хозяина, потому что онъ обѣщался на другой день пріѣхать.

Пастухи, не замѣчая моего обмана, въ одну минуту приказаніе мое исполнили безпрекословно и сѣдлали кобылу; я простился съ пастухами, взялъ въ поводъ жеребчика и, благословясь, отправился въ путь, сперва по направленію къ городу, чтобы тѣмъ сдѣлать отводъ. Лишь только я отѣхалъ изъ виду пастуховъ, тотчасъ повернулъ къ тому, мѣсту, куда приказала мнѣ старушка Марья, т. е. въ таламъ „карасоръ“, гдѣ она меня дожидалась.

Было темно когда я доѣхалъ до таловъ; соскочивъ съ лошади, я привязалъ обѣихъ къ кусту и подалъ условленный знакъ, три раза кашлянувъ, — ибо такъ мы съ Марьей договорились съ утра; она такимъ же образомъ отвѣтила мнѣ, — стало быть меня не обманула, а исполнила свое слово. — Вотъ тебѣ, Митя, на дорогу! сказала она, подавая мнѣ небольшой мѣшокъ съ сушеными лепешками и сыромъ, и новый теплый саранжевый бухарскій халатъ. — Теперь помолимся, и съ Богомъ пускайся въ путь, по направленію, какъ я тебѣ говорила. Мы оба пали на колѣни, и помолившись нѣсколько минутъ, я сталъ прощаться съ ней. — Прощай, тѣтя, Если ты можешь, то бѣжимъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, Митя! я лучше умру здѣсь; бѣжать во мнѣ не хватитъ силъ и на однѣ сутки: поѣзжай одинъ, съ Богомъ. Дай тебѣ, Господи, счастливаго пути! При этихъ словахъ она заплакала, я тоже не могъ утерпѣть и плакалъ навзрыдъ. Потомъ она какъ-бы опомнилась: Ахъ! что я дѣлаю! Вѣдь я ушла на часъ сказала старику, что иду собирать хворостъ, а теперь, почитай, ужъ много больше; онъ меня спохватится; не мѣшкай, Митя! теперь каждая минута дорога, собирайся скорѣе.

Мы живо привязали въ торока что было ею принесено, а халатъ я надѣлъ на себя. — Ну, все готово, сказалъ я. Прощай, тетя Марья, не поминай лихомъ. При этихъ словахъ я вскочилъ на лошадь; почуя на себѣ сѣдока, она рыла копытами землю,

жеребчикъ рвался изъ рукъ. — Прощай, голубчикъ мой, Богъ тебя благословить; не забудь старушку Марью, молись за меня Богу. Прощай! И она горько заплакала. Перекрестясь, я двинулся въ путь небольшой рысцой, и старушка долго смотрѣла мнѣ вслѣдъ, пока я не исчезъ въ темнотѣ ночной, держась направленія Мамаевой дороги на сѣверь...

На зарѣ я переправился черезъ Дарью. Стало свѣтло, и я побоялся ѣхать далѣе, а поѣхалъ внизъ по теченію оной, чтобы найти густыя талы, гдѣ можно было-бы укрыться на день, а въ ночь снова пуститься въ путь. Въ эту ночь я проѣхалъ около 80 верстъ.

Отыскавъ безопасное мѣсто, я спрятался вмѣстѣ съ лошадьми. Лошадей привязалъ къ кусту, стреноживъ обѣихъ, нарѣзалъ травы серпомъ, который мнѣ вынесла старушка Марья, потому что онъ необходимъ въ голодной степи. Самъ-же свернулся подъ кустъ, уснуть. Пролежавъ до вечера, я сталъ скучать бездѣйствіемъ, а ѣхать еще боялся,—какъ разъ къ вечеру увидятъ сарты, то могутъ заподозрить, какъ бѣлаго. Вѣдь эти басурманы днемъ лежатъ въ своихъ сакляхъ, а подъ вечеръ по холодку вылѣзаютъ на работу. Стало темно, я засѣдлалъ жеребчика, а кобылу взялъ въ поводъ и снова отправился въ путь по той-же небесной дорогѣ, по которой ѣхалъ первую ночь, не зная мѣстности. На зарѣ я выѣхалъ на большую караванную дорогу, по которой меня везли въ Ташкентъ. Мѣстность мнѣ стала знакома, и я вполнѣ могъ убѣдиться, что

проѣхалъ Азретъ и былъ около пашень жителей Бабай-Кургана.

Отъ этого городка верстъ 10-ть оставалось до малыхъ Каратавскихъ горъ, гдѣ можно было пролежать до вечера. Чтобы до свѣта добраться до горъ, я понудилъ своихъ лошадей прибавить рыси; черезъ часъ, не болѣе, я былъ въ горахъ, свернулъ съ дороги, отыскалъ одно ущелье, поросшее таломъ, и остановился, чтобы провести тутъ день, такъ какъ днемъ по горамъ было опасно ѣхать, потому что въ нихъ кочевали киргизы, которые могли-бы меня схватить и снова продать ташкентцамъ, или отнять лошадей. Въ эти двѣ ночи я проѣхалъ, почитай, до 200 верстъ.

Настала и третья ночь. Въ эту ночь мнѣ слѣдовало добраться до Чу. Перемѣнивъ лошадей, я выѣхалъ въ путь опять на караванную дорогу, еще за-свѣтло. Въ ущельяхъ горъ кой-гдѣ виднѣлся сѣроватый дымокъ изъ юртъ киргизовъ. По горамъ я крался, какъ заяцъ, озираясь на всѣ стороны. — Не дай Богъ, думалъ я,—какъ поймаютъ киргизы. Горами надо было ѣхать верстъ 15-ть, до ровной мѣстности. Часа черезъ два я благополучно выбрался изъ горъ и снова поѣхалъ по караванной дорогѣ; около полуночи я доѣхалъ до знакомой рѣки Чу; до разсвѣта было еще далеко, поэтому, не зная хорошенько брода, пришлось дожидаться когда начнетъ свѣтатъ, чтобы на зорькѣ перебраться черезъ рѣку. Я даль отдыху лошадямъ а самъ вынулъ одну лепешку, чтобы утолить голодь. Запасъ этотъ я истощалъ бе-

режливо, потому что его въ степи достать очень трудно.

На разсвѣтѣ отыскалъ бродъ и перебрался на другую сторону. — Ну, слава Богу! сказалъ я самъ себѣ, — теперь я, почитай, спасенъ: во-первыхъ, пого-ни изъ Ташкента ожидать вовсе нельзя; а во-вторыхъ, къ моему счастью, волости кочующихъ лѣтомъ киргизъ около Чу — давно ушли къ ближайшимъ своимъ зимнимъ кочевьямъ, такъ какъ они подъ осень всегда уходятъ къ нимъ, — стало быть и поймать меня некому.

За Чу дорога пошла на двѣ стороны: одна въ лѣвую руку, а другая почти прямо на сѣверъ; первую я хорошо узналъ, что она идетъ въ Оренбургъ. — Куда теперь ѣхать? спрашиваю самъ себя. — Что будетъ, то будь, дай поѣду этой, — и отправился той дорогой, которая вела на сѣверъ; такъ-же пролегала на сѣверъ и Мамаева небесная дорога, по которой мнѣ велѣла ѣхать добрая старушка Марья, поэтому-то я болѣе не сомнѣвался, что она идетъ прямо на сибирскую линію.

Разсвѣло. Здѣсь я не боялся ѣхать и днемъ. Солнце было высоко, нигдѣ ни кого не видно; вдали передо-мною снѣжились въ облакахъ горы; кругомъ степь — чистая пустыня; я продолжалъ ѣхать. Около полудня я остановился на одномъ ключѣ, не знаю, какъ онъ называется, — чтобы дать отдыхъ лошадямъ, а также и самому — страсть хотѣлось уснуть.

На четвертый день моего бѣгства, я догналъ

одинъ небольшой караванъ, шедшій изъ Бухаріи въ Акмоллы, хозяинъ котораго оказался нашъ русскій подданный, купецъ Акмоллинскій, татаринъ Баязетъ Сутюшевъ. На распросы его я отвѣчалъ, что я киргизецъ ташкентской волости, кочующей по Сары-су; ѣздилъ въ Кара-тау къ родственникамъ въ гости, теперь возвращаюсь назадъ домой, и прошу караванчей принять меня къ себѣ въ караванъ, чтобы проѣхать вмѣстѣ голодную степь, потому что боюсь хищниковъ. Хозяинъ каравана охотно согласился принять меня: такъ какъ въ караванѣ людей было мало, то также боялись набѣга хищниковъ, которые часто нападаютъ на малые караваны.

Съ караваномъ я ѣхалъ дней пять по голодной степи, провизія у меня истощилась, и все это время я питался въ караванѣ; лошади мои похудали. Проѣхавъ голодную степь, стали встрѣчаться намъ аулы кочующихъ волостей нашихъ вѣрноподданныхъ киргизъ; при видѣ ихъ я сталъ забывать свой плѣнъ, и мнѣ казалось, будто я все это видѣлъ во снѣ, — я былъ вполне спасенъ.

Наконецъ дошли до рѣки Сары-су, по которой всюду видать волости; я поблагодарилъ добраго купца, оставилъ караванъ и поѣхалъ впередъ, потому что надѣялся вскорѣ наткнуться на какойнибудь нашъ отрядъ. Надежда моя скоро сбылась. Ускоривъ свой путь, я ѣхалъ дня три, перемѣняя лошадей. Питался тѣмъ, что гдѣнибудь заѣду въ аулъ, въ которомъ гостепріимные киргизы не про-

минуютъ меня покормить. Я сталъ спрашивать у киргизъ, гдѣ стоятъ казачьи отряды. Мнѣ отвѣчали, что есть на урочищѣ Муллинскомъ, по Сарысу, до котораго ѣзды было еще не болѣе одного дня. По волостямъ было скучно, нигдѣ не слышно было ни одного набѣга хищниковъ, а про Кенисару остались одни только воспоминанія среди орды.

На тринадцатый день моего побѣга я благополучно доѣхалъ до урочища. Какъ теперь вижу — было вечеромъ и темно; не доѣхавъ до ставки отряда, я наткнулся на казачій разъѣздъ... Меня остановили, окликаая по-киргизски: „Стой, кто ѣдетъ?“ Я отвѣчалъ по-русски: „Казакъ!“ — „Стой! что есть отзывать?“ продолжалъ спрашивать меня старшій. — „Отзывать я не знаю! я бѣглый изъ Ташкента казакъ 5-го полка Девятовъ.“ Говоря это, я слѣзъ съ лошади.

— Это ты, Хрисанфовичъ? Сколько лѣтъ, сколько зимъ?—чай лѣтъ шесть будетъ! при этихъ словахъ одинъ изъ казаковъ соскочилъ съ лошади и, растопыривъ руки, бѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу, какъ-бы хотѣлъ поймать меня вберемя. Въ немъ я узналъ знакомое лицо, а фамилію припомнить не могъ.

— Неужели ты не узналъ меня—своего измѣнника, Черкасова, который тебя бросилъ въ руки хищниковъ въ Улутау. Прости, товарищъ, меня, что мы тогда такъ глупо сдѣлали,—мы сами еле спаслись.

— Богъ тебя проститъ, въ чемъ тутъ твоя вина, коли я самъ оплошалъ? Это была моя глу-

пость—угораздило отпустить лошадь на такой длинный поводъ. Вотъ теперь я научился.

Прочіе казаки, видя насъ съ Черкасовымъ разговаривающихъ по-русски, подѣхали къ намъ. — Вотъ и узнай, что ты казакъ,—настоящій сартъ, борода черная и самъ загорѣлый. Случись встрѣтиться одинъ на одинъ въ такую темь, то вмѣсто привѣта навѣрно-бы пулей цапнулъ! говорилъ старшій изъ разъѣзда.—Ну! нечего много толковать, ѣдемъ въ отрядъ; человекъ-то вѣдь усталъ, я думаю, дней двадцать, почитай, ужъ въ пути—ѣсть и отдохнуть хочетъ. Садись, братъ Девятовъ, ѣдемъ скорѣе,—продолжалъ говорить онъ.

Я сѣлъ на лошадь, а другую у меня взялъ мой прежній товарищъ, Черкасовъ, и повелъ въ поводу; мы отправились въ станъ отряда.

— Вотъ, Дмитрій Хрисанфовичъ, вторую годичку кончаю послѣ твоего несчастія; а сколько было тогда допросовъ—не дай Господи; чуть насъ съ Самсоновымъ не заковали, говорилъ Черкасовъ.

И многое другое мы толковали; но я сперва обратился съ вопросомъ къ Черкасову о моихъ родителяхъ: живы-ли они, или ихъ нѣтъ?

Онъ вздохнулъ и сказалъ: Старикъ твой отецъ просилъ тебя помянуть его хлѣбомъ и солью. Онъ, почитай, другой годъ на томъ свѣтѣ; а старушка ваша мать и сестры, слава Богу, здоровы. Я недавно получилъ изъ дома письмо: пишутъ, что всѣ здоровы. Сколько было слезъ, когда вернулись мы изъ Улутау и сказали, что ты попалъ въ плѣнъ.

Черезъ четверть часа нашей ѣзды мы доѣхали до стана отряда. Палатки казаковъ были раскинуты, почитай, у самаго берега рѣки, лошади ихъ паслись около стана. Въ отрядѣ горѣли сотни огней, казаки варили себѣ ужинъ въ котелкахъ. Меня провели прямо къ палаткѣ отряднаго начальника; нѣкоторые любопытные казаки подошли поближе къ нашей кучкѣ, оглядывая меня. Доложили отрядному, что привели русскаго. Онъ приказалъ войти въ палатку и сталъ меня допрашивать—откуда и какой? Я, конечно, рассказалъ ему все подробно; онъ сперва не повѣрилъ, что я былъ увезенъ, а считалъ за дезертира; потребовалъ Черкасова, который подтвердилъ справедливость моего показанія, и меня отдалъ на руки Черкасову.

Вѣсть о возвращеніи моемъ, въ одну минуту, какъ молнія, пронеслась по отряду, и меня окружили со всѣхъ сторонъ, спрашивая о моемъ походе. Голодному говорить—нѣтъ хуже, а потому я просилъ казаковъ, чтобы дали оправиться. У товарищей Черкасова ужинъ былъ готовъ.

— Ну, гость дорогой, садись съ нами ужинать нашей добычи, сказали они.

Я, не стыдясь, сѣлъ какъ дома; лошадей моихъ нашлось кому прибрать,—ихъ отпустили въ табунъ.

Поужинали. Къ палаткѣ собрались казаки, почитай всего отряда, послушать моей повѣсти. Тутъ нашлось много знакомыхъ и прежнихъ моихъ сотоварищей, служившихъ со мной въ Улутау; начались распросы да рассказы, и продолжались почти всю ночь.

На третій день меня вмѣстѣ съ лошадьми отправили въ укрѣпленіе Актаузское, а оттуда, конечно, куда слѣдуетъ, то есть, въ свой полкъ; въ сентябрѣ мѣсяцѣ я былъ уже дома. Сколько было тогда радостей—и сказать нельзя: вѣдь вы самитогда видали. Извѣстно вамъ, что покался я на исповѣди передъ Богомъ во всемъ моемъ невольномъ заблужденіи—я никогда не былъ ни на минуту мусульманиномъ, и женили меня—въ опьяненіи опиумомъ. Это хуже всякаго спирта: я все видѣлъ, какъ сквозь сонъ, что со мной дѣлали, и не имѣлъ силы противиться. Конечно, грѣхъ совершился, но послѣ церковнаго покаянія милосердый Господь простилъ—и вотъ теперь, слава Богу, жена у меня русская, да и сынишкѣ 5-й годъ, и живу, слава Богу, не хуже другихъ: кажется вамъ и сказывать не нужно, сами видите. Я помню тѣ слова, которыя сказала мнѣ избавительница моя, старушка Марья: „что Господь видитъ тайно, а воздастъ явно“. А болѣе, товарищи, и говорить нечего, да и спать—страсть хочется... Будетъ, покаместъ этого для васъ.

Всѣ казаки подтвердили единогласно: коли Богъ простилъ, то людямъ и упрекать грѣшно въ невольномъ отступленіи, — ибо церковное покаяніе очищаетъ душу человѣка передъ Богомъ и людьми, и совѣсть еге спокойна.

Такъ кончилъ свой рассказъ казакъ Девятовъ.

